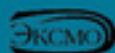

ДЕТЕКТИВ ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИНЫ

ЕЛЕНА
АРСЕНЬЕВА

РЕПЕТИЦИЯ
КОНЦА
СВЕТА

Писательница Алена Дмитриева

Елена Арсеньева

Репетиция конца света

«ЭКСМО»

2002

Арсеньева Е. А.

Репетиция конца света / Е. А. Арсеньева — «Эксмо»,
2002 — (Писательница Алена Дмитриева)

Беда подстерегала автора детективов Алену Дмитриеву накануне Нового года. Ее муж Михаил не вернулся из Москвы, а прислал ужасное послание и букет роз. Любовь прошла, писал он, и мы должны расстаться. Импульсивная Алена вначале хотела убить себя, но потом рванула в столицу. И напрасно! Муж уже улетел в Болгарию. Убитая горем Алена покупает билет домой, рассчитывая провести новогоднюю ночь в пустом вагоне СВ. Каково же было ее изумление, когда в купе вошел красавец-мужчина. Горе или самоутверждение толкает ее в объятия случайного попутчика? Но это не конец, а только начало Алениного грехопадения и всего загадочного и страшного, что ее ждет впереди...

Содержание

***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Елена Арсеньева

Репетиция конца света

*Ушла бы в монастырь,
да много холостых!*

Пословица

***

...Красивая шатенка бальзаковского возраста с великолепными глазами и стройными ножками. Умная, начитанная: под настроение и самих «знатоков» переигрывает. Отличное здоровье, безупречный вкус, изысканно одета. Походка такая, что не только мужчины, но и женщины невольно оглядываются: первые с восхищением, вторые с завистью. Обладательница трехкомнатной квартиры в центре Нижнего Новгорода. Не бог весть как богата, но живет в достатке. Вдобавок знаменита!..

Отчаянно, безнадежно, катастрофически несчастна.

***

Алена Ярушкина стала одинокой женщиной накануне Нового года.

Михаил, муж, должен был вернуться из Москвы еще 28 декабря, но позвонил и сказал, что задерживается. Будет 30-го рано утром, поездом номер двадцать два, который приходит в Нижний в семь утра.

30 декабря она встала ни свет ни заря, постояла под горячим душем, вымыла голову, накрыла на стол и, облаченная в белье, которое должно было вызвать у мало-мальски нормального мужчины только одно желание: снять его с женщины как можно скорее! – принялась ждать.

А вот и полвосьмого. А вот и восемь. Даже если не брать такси, времени хватит не только доехать с вокзала на маршрутке, но и обратно вернуться. А Михаила нет. Поезд опоздал? Алена позвонила в справочную и узнала, что 22-й скорый пришел по расписанию.

Объяснение этому могло быть одно: Михаил опоздал на поезд. С ним такое бывало, наверное, случилось и сейчас. Странно, конечно, что он не позвонил, не предупредил жену. Но, наверное, вот-вот раздастся звонок, и Михаил, со свойственной ему непоколебимой уверенностью в святости каждого своего поступка, сообщит, что приедет вечером, девятичасовым.

Алена поборолла естественную тревогу – а вдруг с любимым и единственным случилось что-то дурное?! – и включила компьютер. Что толку метаться из угла в угол? Михаил приедет вечером, никуда не денется. А ей надо работать. Если хочет, чтобы новый роман попал в план апреля, придется поднажать!

К слову, Алена Ярушкина – писательница. Самая настоящая, и даже издаваемая. Любимым жанром ее были детективы, на них она зарабатывала какие-никакие денежки и даже снискала себе некоторую популярность. Правда, под псевдонимом Дмитриева: фамилия ее издателям не нравилась – мол, детская какая-то, несерьезная, а вот отчество, Дмитриевна, – даже очень. Ну и ради бога, хозяин – барин, против того, чтобы сделаться Дмитриевой, Алена никак не возражала.

Срок сдачи рукописи был шестого января. Учитывая многочисленные выходные, вполне можно протянуть время до десятого, что было, по мнению Алены, очень кстати: сюжет заклинило. Но ничего, приедет Михаил, они вместе сядут, обговорят все как следует: присутствие

мужа всегда пробуждало Аленину творческую мысль, она даже в шутку называла его не муж, а Муз, ну, типа Муза, Муз...

Раздался звонок.

Ага, вот и Муз. Девять часов. Где же он был все это время? Может, решил заехать с утра пораньше на Канавинский базар, благо тот рядом с вокзалом, купить любимой конской колбасы казы, стерлядку для ухи и еще каких-нибудь яств?

Да какая разница, где он был? Главное, теперь стоит под дверью и уже второй раз нажимает кнопку звонка!

Алена полетела в прихожую.

Она была настолько уверена: это Михаил, – что даже не спросила, кто там. И, по закону детективного жанра, на пороге должен был оказаться грабитель, убийца, он же насильник, который одним ударом отшвырнул бы Алену обратно в квартиру, ворвался следом, захлопнул дверь и...

Однако на пороге стоял парнишка, по виду студент, невысокий и довольно хлипкий, полужакрытый огромным букетом нежно-розовых роз.

– Госпожа Ярушкина? – выглянул парнишка из-за букета. – С Новым годом вас, Алена Дмитриевна! Наше бюро доставки «Меркурий» поздравляет вас и желает счастья! Распишитесь в получении!

Он сунул Алене шуршащий целлофаном букет, отработанным движением поднял острую коленку, уложил на нее тетрадочку с квитанциями и протянул ручку. Алена, прижав к себе букет, неуклюже расписалась, подумав как о чем-то весьма значительном, что где только писать ей не приходилось, даже как-то раз в лесу на пеньке, а вот на чужой коленке ни разу не привелось, но, возможно, лиха беда начало.

– Там внутри открыточка, в цветах, обратите внимание, – сообщил рассыльный, и Алена только сейчас заметила упрятанный в глубь букета длинный узкий конверт. Вслед за этим парнишка сверкнул прощальной улыбкой и убрался из Алениной жизни.

Алена, неловко зажимая под мышкой букет, вместо того чтобы положить его, заперла дверь, не столько обрадованная или удивленная, сколько испуганная этим внезапным визитом и подарком. То есть до нее уже начало что-то доезжать, уже сжалось сердце в предчувствии беды... в запоздалом предчувствии!

Она положила букет прямо на пол, достала конверт, распечатала. Красивая, изысканная открытка с искристыми снежинками и благостным зимним пейзажем: «С Новым годом!»

Раскрыла открытку и прочла первые слова, написанные таким знакомым, округлым, аккуратным почерком Михаила:

«Елена, и ты, и я – мы оба знаем, что наша любовь умерла...»

Она сначала тупо обиделась, что Михаил назвал ее Еленой – Алена недолюбливала свое «паспортное» имя. Потом вспомнила, что еще позавчера он твердо обещал приехать. Потом сердце начало падать, падать, все вокруг смеркло, но эта белая открытка, исписанная округлыми черными буквами, светилась, чудилось, каким-то зловещим, мертвенным светом. Буквы то плясали, то вновь вытягивались ровными, обдуманно строчками... Да, каждое слово в этом коротком послании было жутко обдуманным, рассчитанным нанести удар побольнее. Много их было нанизано, этих черных слов, но до Алены дошли только последние: «А потому я не вернусь. Живи как хочешь, делай что хочешь – но без меня. Без меня!»

«А потому я не вернусь...» Да почему, почему же?!

Ответом на этот вопрос и было письмо, но у Алены не хватило сил перечитать его. Она стояла, сжимая в руках открытку и пытаясь осознать, что в ее жизни произошло нечто страшное, бесповоротное, как смерть.

Новый год. Ей предстоит встретить Новый год одной.

Алена покачнулась. Что-то зашуршало под ногами. Оказывается, она наступила на край целлофановой обертки букета.

С каким-то странным, тупым чувством отвращения Алена встала обеими ногами на розовые, чудные розы и принялась топтать их – медленно и тщательно. При этом она думала: до чего же просто превратить что-то любимое в ненавистное. Раньше Михаил любил ее («Больше всего на свете! Буду любить тебя вечно!»), теперь возненавидел. Ведь только из ненависти можно нанести такой кошмарный, такой рассчитанный, воистину смертельный удар! А она, Алена... Больше всех цветов на свете она любила розовые розы. Теперь возненавидела их, словно это была объединенная гусеницами крапива.

Потом мелькнула мысль: хорошо, что она в тапочках, а не босиком. Ведь в таком состоянии, как сейчас, изранила бы ноги о шипы – и не заметила бы боли. А еще Алена подумала: как жаль, что закон жанра сегодня не восторжествовал и вместо рассыльного на пороге не оказался тот самый грабитель, убийца и насильник. Его появление избавило бы ее от очень многих проблем. Например, ей не пришлось бы срочно выдумывать способ, как покончить с собой – быстро, безболезненно, а главное – так, чтобы никто не заподозрил в ее смерти самоубийства.

***

– В жизни такой ерунды не видела. Просто глазам не верю! – Маникюрша Лора таращила в развернутую газету, и ее смугленькая мордашка просто-таки окаменела от изумления. – Честное слово, это розыгрыш! Или спятила баба.

– Что там? – спросила Марина из косметического кабинета, осторожно смачивая водой из-под крана свои удивительно пышные, кудрявые, красивые волосы. Они были русые, с несколькими мелированными прядями. Каждое утро Марина сбрызгивала их гелем, а потом в течение дня чуть смачивала водой. И голова ее всегда была в легких кудряшках. Глаза у Марины были синие-синие, щеки розовые. Куколка, одно слово! И фигурка что надо, и ножки! И при всей своей ангельской красоте она была ангельски добра к тем, к кому судьба оказалась не столь щедра или даже скупа. Как, например, к Неле...

– Нет, я всегда считала, что «Перекресток» – серьезная газета. И вдруг написать такое...

– «Перекресток» серьезная газета? Да ты с ума сошла, – усмехнулась Марина. – Если на последней странице там печатают рекламу борделей – какая уж тут серьезность?

– Да там вообще полно всякой рекламы, и брачные объявления публикуют только там! – запальчиво возразила Лора, известная своим страстным желанием найти богатого мужа. То есть, наверное, выйти замуж за богатого хотят все девушки, но Лора хотела этого страстно. И громогласно. День в салоне начинался с обсуждения очередного претендента на Лорины руку и сердце и подробного анализа содержимого его бумажника. Эти бумажники никогда не оказывались достаточно пухлыми, а потому Лора все еще была холостячкой. – Зря ты, Маринка, это в самом деле хорошая газета. Наверное, они эту галиматью напечатали по ошибке.

И она громко прочла:

– «Сдам бесплатно комнату, а впоследствии обеспечу жильем и материально поддержку девушку, которая соблазнит моего мужа. Писать по адресу: Нижний Новгород, главпочтамт, предъявителю удостоверения 66674390. Непременное условие – наличие увечья ноги».

– Приколись, Маринка! – аж захлебываясь от восторга, вскричала Лора. – «Непременное условие – наличие увечья ноги!» Это ж надо до такого додуматься! У нее мужик, наверное, чокнутый. Надо будет Нельке сказать, это шанс для нее!

Из Марининых глаз так и брызнуло яростное синее пламя.

Лора растерянно моргнула, оглянулась – и только сейчас увидела, что Неля уже вышла из маникюрного кабинета, где подтирала пол, и теперь расстилает на пороге тряпку. Не сказав

ни слова, она выпрямилась, взяла под мышку щетку, прихватила ведро и, сильно припадая на правую ногу, пошла в туалет.

Когда в холл донесся шум выливаемой воды, Марина покачала головой и повертела пальцем у виска. Лора досадливо сморщилась.

– Что ж ты мне сразу не сказала, что она здесь? – проворчала шепотом. – У меня же нет глаз на затылке. А, ладно, она ведь и сама знает, что калека.

Марина только вздохнула. Она подумала, что между тем, чтобы знать о своем увечье, и тем, чтобы слышать грубые намеки на него, есть большая разница, не понимать это может только толстокожая тупица Лора. Но она старалась ни с кем не портить отношений, поэтому промолчала.

Тем временем Неля вышла из туалета с полным ведром чистой воды и, неловко ступая, пошла в солярий.

– Бедная девка, – пробормотала вдруг Лора, ни с того ни с сего исполнившись сочувствия к уборщице. – Главное, такая молодая... Ну сколько ей? Восемнадцать, девятнадцать? Ужас. Совсем девчонка, а с таких лет уже знает, что ни хрена у нее в жизни не будет, ни мужика, ни любви, ни детей. Как жить? Я бы, наверное, повесилась, честное слово.

– И не говори, – покачала головой Марина. – Обидней всего, что она в принципе хорошенькая, а если бы ей постричься, подкраситься, за мордашкой последить, вообще была бы не хуже нас с тобой. Если бы не нога...

– Да уж, если бог кого не любит, это надолго, – вздохнула Лора, сворачивая газету и небрежно швыряя ее в мусорную корзину.

– Положи на стол, – сказала Марина. – А вдруг Неля возьмет и прочитает? Может, там что-то толковое ей скажут, если позвонит по тому телефону?

– Договорились! – обрадовалась Лора. – Я положу газетку вот сюда, на край, под блокноты с расписанием кабинетов. Если увидим, что блокноты сдвинуты, значит, Нелька клюнула на приманку. – Пристроив газету, она с беспокойством оглянулась на большие настенные часы: – Двенадцатый час, а моя клиенточка что-то не идет... Ой, вот она! Здравствуйте, Анечка, проходите, пожалуйста. Маникюр, педикюр, как обычно? Все готово, снимайте колготки и садитесь ножки парить.

Лора и ее клиентка закрыли за собой дверь, а через минуту ушла и Марина: у нее в кабинете отдыхала женщина, с которой уже пришла пора снимать парафиновую маску. Поэтому, когда Неля вернулась, вымыв лестничную площадку, холл был пуст.

Она сразу заметила под блокнотами небрежно свернутую газету, но прошла мимо. Вылила грязную воду, прополоскала тряпку, ведро, вымыла руки, вытерла их насухо, вернулась в холл...

Газету «Перекресток» Неля никогда не читала. Уж больно унылым казалось название. То ли дело – «Светская жизнь», просто «Жизнь», «Пикантные новости»... Обещающие такие названия. А то назовут газеты невесть как – «Город и горожане», «Земля нижегородская»... Какой-то совок. И этот «Перекресток» раньше тоже казался ей совком. Но после того, что она сегодня услышала...

Огляделась. Все двери в кабинеты закрыты. В солярии нет клиентов, эпилятор Верочка от нечего делать ушла сплетничать на первый этаж, в парикмахерскую. Из массажного кабинета доносится успокаивающий голос Марины, у себя хохочет-заливается Лорка. Все заняты. Никому нет дела до Нели. Так было всегда, она привыкла, и не сказать, что это ее огорчало. А сейчас так даже радовало. Она осторожно сдвинула блокноты, лежавшие на газете, и развернула ее на предпоследней странице. Ничего себе, сколько тут объявлений! И в каком разделе может быть то, которое прочла Лорка? Наверное, насчет сдачи квартир. Или в «Разном»?

Так и есть. Честно говоря, слушая Лорку, Неля не поверила своим ушам. Но пришлось поверить глазам. Вот оно, таинственное объявление:

«Сдам бесплатно комнату, а впоследствии обеспечу жильем и материально поддержку девушку, которая соблазнит моего мужа. Писать по адресу: Нижний Новгород, главпочтамт, предъявителю удостоверения 66674390. Непременное условие – наличие увечья ноги».

Розыгрыш? Или всерьез пишут? Возможно ли написать такое всерьез?

Ладно, проверить это можно только одним способом.

Неля раскрыла один из блокнотов, выдрала последнюю страницу, схватила ручку, прикрепленную к столу длинной веревочкой (чтобы клиенты не стащили), и торопливо переписала адрес. Спрятала листок в карман халата, положила газету на стол и поспешно ушла собирать грязное белье для прачечной.

В эту минуту снедаемая любопытством Лора выглянула из маникюрного кабинета, увидела кое-как брошенный «Перекресток» и довольно хмыкнула. Рыбка клюнула! Ой, интересно было бы посмотреть на того мужика, которого предстоит соблазнять хромоножке Нельке. Наверняка он вообще без ног, ездит в инвалидной коляске, а то и совсем без движения лежит!

***

– Да кончай комплексовать! Все будет просто, проще некуда. Пройдешь через двенадцатый вагон в тамбур. Положишь пакет в контейнер. И двинешь дальше, в вагон-ресторан. Посидишь там для блезиру – и вернешься на свое место. По-моему, проще некуда. Задача для дебилов.

– А если...

– Если что?

– Если кто-то засечет, когда я буду класть пакет в контейнер?

– Ну так ты постарайся, чтобы в тамбуре в этот момент было пусто, никакой курильщик не топтался. Уж изловчись как-нибудь, чтобы тебя не засекли.

– Ну я не знаю...

– Слушай, племянничек. То ты из кожи вон лезешь, просишь, чтобы я дал тебе заработать, то начинаешь кочевряжиться.

– Да я не кочевряжусь, я просто не знаю...

– Вот и я не знаю, что теперь делать.

– В каком смысле?

– Да в обыкновенном. Прикинь, мне придется идти к людям, объяснять, что нужен другой курьер. Как другой, спросят они, почему? Да потому, скажу, что племянничек мой, когда узнал, что от него требуется, со страху обделался и отказался работать. Когда узнал, спросят они? Значит, он все знает? Так какого же черта ты ему разболтал, не проверив толком, надежный это человек или нет? Коли так, извини: дружба дружбой, а служба службой. И табачок врозь. Сам виноват. И... шпок! – Он выбросил вперед согнутый палец, стремительно распрямив его. – Сначала меня, а потом и... – Теперь палец уперся в его собеседника.

– Да брось ты, – недоверчиво ухмыльнулся тот, но моргал при этом растерянно. – Мы ж не в кино и не в книжке, просто так человека шпокнуть не могут, только за то, что он чего-то не сделал.

– Не могут, да? Не могут? – с издевкой повторил дядька. – А ты вспомни Ваныча. Его, к примеру, за что кончили?

– Да уж...

Ваныча, вернее, Григория Ивановича, их соседа по дачному участку и преподавателя пединститута, забавного, говорливого старика, убили вот именно ни за что. Просто стукнули по голове прилично одетого человека и обшарили карманы в надежде на пожизну. Это произошло у самого его дома, на глазах у женщины, стоявшей в темной глубине подъезда и не замеченной отморозками. Она мгновенно вызвала милицию, убийц схватили через несколько минут – и

надо было слышать, с каким возмущением повествовали они о том, что «у старпера» оказались только две потрепанные десятки!

Что и говорить, жизнь человеческая нынче даже не на мятые десятки ценится – на копейки. На гроши! Так что в принципе запросто могут шпокнуть только за то, что ты чего-то не сделал. Но уж если возьмешься за поручение и не выполнишь его, тогда точно – смерть!

Эта мысль отчетливо прочиталась в глазах племянника. А дядюшка добавил:

– Прикинь: ты не просто отказываешься. Ты отказываешься, зная, *кто, что, как* делает. Ну какие могут быть гарантии, что ты нас не заложишь?

– Да зачем, зачем мне тебя закладывать?! Ты им скажи...

– Убоище! Да меня и спрашивать не станут, объяснил же. Это такой бизнес... без лишних слов обходятся, ясно? А точку ставит такая маленькая свинцовая пулька. В конце предложения. И заодно в конце твоей дурацкой жизни. Я тебе предлагаю никакую, практически халявную работу, за которую ты не просто хорошую денюгу оторвешь – ты начнешь входить в *дело*. Вот я – я ведь тоже начинал курьером. Курьерешкой! А теперь... Так?

– Да уж, – кивнул племянник, с нежностью глядя на причудливое мигание разноцветных огоньков на панели управления нового дядюшкиного «БМВ». То есть модель не новая, но все же... Неужели и у него когда-нибудь будет свой «немец»?!

Ага, будет, ждите ответа! Это возможно, только если клад найдешь. Или стабильный заработок, который позволит и жить не жмотясь, и в то же время откладывать деньги на машину, на квартиру, на... да мало ли на что!

Именно такой вот заработок и предлагает ему дядька. Так какого же черта...

– Ну ладно, – буркнул он как бы с неохотой. – Ты меня просто не так понял. Я что? Я разве не согласен? Я согласен! А этот контейнер, про который ты говорил, он как выглядит? Как я его найду?

***

Удивительно, до чего милосердна к нам иногда бывает судьба! Накануне события, которое станет для тебя роковым, которое взбаламутит твою жизнь, все в ней поставит с ног на голову, превратит тебя из счастливой, благополучной, всем довольной женщины в некое унылое, отчаявшееся и полубезумное от горя существо, судьба почему-то не подаст тебе никакого знака близкой беды. То есть потом, уже по прошествии времени, ты отыщешь в минувших событиях сколько угодно знаков и намеков, которые должны, должны были насторожить тебя, предостеречь от каких-то неосторожных шагов, слов, поступков, но всю значимость их ты сможешь оценить только потом, а накануне катастрофы на тебя снизойдет эйфорическое спокойствие, полнейшая безмятежность. Никакая тень смутной тревоги не омрачит твоего настроения, твоя чуткая душа молчит, твой пронизательный ум словно бы отключился, не в силах уловить причинно-следственные связи между поступками и их возможными последствиями, не в силах сделать даже простейшие, элементарнейшие выводы из впрямую сказанных слов... Ты порхаешь по жизни, словно бездумная пташка, которую уже подстерегает в вышине коршун-судьба: вот-вот метнется к тебе, вот-вот ударит клювом, прикончит, а ты все порхаешь, ловишь солнечный свет и трепетанье ветра, поешь-распеваешь свои незамысловатые песенки...

Ты все пела? Это дело. Так пойдя же попляши!

И вот ты содрогаешься в агонии, словно в некоем предсмертном танце, изумляясь, почему тебя не осенило никаким предчувствием, чтобы ты вовремя спохватилась, одумалась, изменилась, смогла предотвратить случившееся, ну, хотя бы подготовиться к свалившейся на тебя беде. Почему ты должна погибнуть бездумно, как жертвенное животное на алтаре, усы-

панном цветами? И ты погибаешь, с ненавистью думая о том, как садистски жестока бывает порою к нам судьба.

С другой стороны, при чем тут судьба? Мужчины, мужчины – все дело в них! И все беды женщин проистекают от них...

Почему-то именно сохранение тайны своей смерти – чтобы никто никогда не догадался, что это самоубийство! – казалось Алене особенно важным. Гордыня, тщеславие, распространенный грех людской – да, да, но эти свойства были внутренней сутью Алены, ее движущей силой. Она прославилась благодаря им. Она жила так, как жила, благодаря им. Значит, надо и со своей смертью сделать что-то такое... невероятное. И до тошноты правдоподобное.

Недавно, бродя по Интернету, она наткнулась на сайт «100 способов самоубийства», так что была вполне подкована теоретически. Снотворное и транквилизаторы, гласил доброхот-советчик, конечно, самые милосердные средства. Вопрос – где взять такое количество, скажем, тазепама? Пить так пить, сказал котенок, когда несли его топить: не меньше, чем пару упаковок. Ведь если Дева – а Алена была по гороскопу Дева – что-то делает, она делает это тщательно и обдуманно. Знакомая докторша из студенческой поликлиники, наверное, выпишет ей транквилизатор, особенно если наврать, что от переутомления ее одолевает бессонница, нервы пошли вразнос. Но когда она сможет увидеть эту докторшу? Только после праздников. Числа третьего, не раньше. Это еще сколько дней прожить!

Но, с другой стороны, неумеренное количество снотворного будет обнаружено после вскрытия, никто не подумает, что ее смерть случайна.

К тому же, если напьется Алена тазепама или реланиума, то будет лежать в своей квартире одиноким трупом, пока... пока соседи не почуют запах?

Жуть. И не предупредишь ведь никого – зайдите ко мне завтра, а если я не открою, ломайте дверь. Тут о самоубийстве только кретин не догадается.

Нет, надо что-нибудь иное придумать.

В любой аптеке можно купить сердечные средства, наперстянку, красавку. Смертельный исход обеспечен. Есть одно «но». Неумеренное потребление этих лекарств вызовет рвоту. То есть одновременно нужно принять что-то антирвотное, как оно там называется по-научному?... Ладно, в аптеке подскажут. Однако же при вскрытии это снадобье тоже будет обнаружено. А вдруг попадется какой-нибудь умненький-разумненький следователь, догадливый такой? Не только же в детективных романах они бывают, умные менты?

Стопроцентный результат, конечно, даст инсулин...

– Тише, Катя, не видишь, женщина спит! – донесся до Алены резкий окрик, который непременно разбудил бы ее, если бы она в самом деле спала.

Но она не спала – она умирала.

А как хорошо, если бы все это и впрямь оказалось сном – и мысли о самоубийстве, которое непременно надо обставить как естественную смерть, и чужой, резкий голос, и стук колес, и пляшущие перед глазами строчки: «Любовь умерла... умерла... Без меня... без меня!»

Но все было, было в реальности! Она открыла глаза и увидела близко около лица плафон, вентиляционную решетку, чуть сбоку – сетчатую полку, на которой валялся серый меланжевый свитер – ее, Алены, свитер. Тут же небрежно брошена ее серая клетчатая юбка. В ушах стучало – но не только от тяжелых мыслей. Стучал на стыках поезд Барнаул—Москва, которым Алена ехала в Москву.

...Она выскочила из дому через двадцать минут после получения жуткого поздравления. Стремительно оделась, запихала в сумку зубную щетку, дезодорант, халат и два яблока, заперла двери и понеслась на вокзал. По пути, уже в такси, вспомнила, что сотовый вчера зарядить забыла, то есть он может отключиться в любой момент. С другой стороны, роуминг у нее не подключен, так что связь будет действовать только на территории Нижегородской области, до

Гороховца или до Вязников. А вот что она еще сделала: позвонила из дому Михаилу, позвонила в безумной надежде, что все это какая-то дурацкая шутка, один из его несусветных розыгрышей, целью которых было убедиться в крепости чувств Алены. Но мобильник не отвечал, а дама, у которой Михаил снимал комнату в Москве, ледяным голосом ответила, что Михаил Николаевич вышел в магазин, нету его дома.

Ледяной голос ничего не значил, эта тетка всегда и со всеми так разговаривала. А слова – значили. Вышел в магазин? То есть он все-таки в Москве. И это правда – он не приедет... Тогда к нему приедет Алена. Если он в Москве, то и она будет там же!

Она вылетела из дому, как стрела, выпущенная из лука. Как револьверная пуля, когда нажат курок. Как самолет вертикального взлета. Как обезумевшая птица: ринулась невесть куда, зачем?

Имели смысл только сиюминутные действия и их результат: доехать до вокзала, успеть взять билет, дожждаться проходящего поезда... В каком-то проблеске разума сообразила, что восемь часов до Москвы наедине со своими мыслями она не выдержит, – забежала в газетный киоск, взяла что попало: «Жизнь», «Проспект», «Комсомолку», еще что-то, не глядя. Заплатила рублей семьдесят, сунула сдачу в кошелек, а то, что забыла газеты на прилавке, обнаружила только в купе. Да и господь с ними, не смогла бы она читать, все равно не смогла бы, потому что стоило устроиться на верхней полке, как отовсюду, изо всех закоулков сознания, принялись выглядывать и корчить рожи мыслишки – мерзкие, ехидненькие, – и кривлялись до тех пор, пока не слились в одну-единственную мысль – подобно тому, как капельки ртути норовят слиться в единое целое. Мысль была такова: а почему ты, Алена, уверена, что твой приезд что-то изменит, что ты сможешь вернуть Михаила?

Она вынула из сумки то письмо и прочла его еще раз, поминутно смаргивая слезы, которые вызывало зрелище этого спокойного почерка, пытаюсь снова и снова постигнуть, да что ж она совершила такого, за что любящий мужчина может бросить любимую женщину накануне Нового года, который должен был стать десятым в их совместной жизни?

«Твои увлечения... твои новые друзья... ты занята только собой, для меня в твоей жизни нет места... мои одинокие завтраки... ты любишь только шейпинг, танцы и свой компьютер... ты изнурила себя до неузнаваемости... ты даже в постели думаешь неведомо о чем, для тебя главное – поскорее от меня избавиться... я долго терпел, но наконец понял...»

Увлечения? Компьютер? Но ведь Алена пишет, каждый день пишет свои романы, на это они с Михаилом живут, в конце концов! Жили... О господи!.. Твои новые друзья... ну да, около нее крутится огромное количество народу, а как иначе? Алене постоянно нужны новые впечатления для романов, невозможно ведь так писать – с одной стороны чистая бумага, с другой – нетленка, нету у нее такого жизненного опыта, чтобы только на нем основываться, постоянно нужны новые впечатления, она то с врачами «Скорой» мотается по вызовам, то сидит на судебных заседаниях, то в библиотеке пропадает, то болтает с дамами на шейпинге – никто не знает, сколько дает ей эта болтовня! А сам шейпинг, а секция бальных танцев? Ну хоть что-то у нее должно быть в жизни, кроме работы, какая-то радость? Почему Михаила так бесило счастливое выражение лица, с которым она возвращалась после «танцевалки», вся еще мыслями в этих волшебных ритмах?! «Одинокие завтраки» – да, это было. Но ведь Алена по жизни никогда не завтракала, стоит ей хоть что-то съесть утром, как сразу в сон клонит, потом уже не до работы, вообще ни до чего. К тому же в восемь утра, когда Михаил завтракал, у нее было самое продуктивное время у компьютера. Что ж предосудительного в том, что она не хотела покидать рабочий стол и садиться за кухонный? И что значит – «изнурила себя до неузнаваемости»? Ну, похудела бывшая толстушка на пятнадцать кэгэ, кому от этого плохо? Наконец-то стала с удовольствием смотреть на себя в зеркало! Понять это может только женщина, однако почему бы мужчине хотя бы не попытаться? Вспомнилось: она собирается на

танцевалку, с восторгом оглядывая новую блузку, которая сидит на ее *новой* фигурке как влитая, а Михаил с отвращением процедил: «Ну вот, на старости лет влюбилась в себя!»

На старости лет, о господи!..

Алена зажмурилась как могла крепко, но удержать слезы не удалось. Старалась лежать с каменным лицом, не всхлипывать, хотя мама с двумя дочками-подростками, которые громко, захлеб, по-деревенски, пили чай внизу, вряд ли могли видеть, что там делает молчаливая, замкнутая соседка на верхней полке.

«Хорошо, что я хоть не накрасилась, а то сейчас бы все потекло», – подумала Алена, а потом отчаяние поглотило ее, и все, что она могла, это желать избавления от невыносимой боли. Избавления любой ценой.

Здравая мысль о том, что все проходит, все кончается, не приходила ей в голову: не было в голове места для здравых мыслей. Там властвовало отчаяние безнадежности и его верные придворные: мечты о единственном спасении. О смерти!

Да. Инсулин, вот что ей нужно.

В каком-то романе у Алены это уже было, было: больной женщине по ошибке ввели инсулин, и она почти мгновенно скончалась от комы, а догадаться о причине смерти никак не могли, ведь в организме каждого человека есть инсулин, поди определи, введен он нарочно или нечаянно.

Значит, так. Взять шприц с инсулином, пойти куда-то, где есть люди, – скажем, в библиотеку, сесть где-нибудь в углу, быстренько сделать укол – сквозь чулок, в пятку, чтобы не нашли потом следа, – и через несколько минут тихо отъехать от гипогликемии... Даже если кто-то даст себе труд поднять голову от книжки, заметит ее предсмертные судороги и поднимет крик, скорее всего подумают, что у нее сердечный приступ, гипертонический криз или еще какая-то расхожая хреновина. Ей никто не помешает умереть, просто не успеют. И поскольку в организме человека, как уже было сказано, инсулин имеет место быть, об истинной причине смерти вряд ли догадаются. Разве что найдут шприц, которым Алена себя уколола...

Вот в чем вся закавыка! Самое трудное – спрятать шприц. Уколоться, сунуть шприц в какой-нибудь конверт, спрятать – куда? В свою сумочку нельзя, дураку понятно. В ящик стола? Но в библиотеке столы без ящиков. В мусорную корзинку? Желательно не в ту, которая будет стоять рядом с ее столом! Вопрос – и самый главный: сколько времени пройдет после укола, прежде чем Алена потеряет сознание? Вроде бы счет пойдет на секунды... И ведь это только сказать просто: «Взять шприц с инсулином»! А где ты его возьмешь? В смысле, не сам шприц, с этим как раз нет проблем, а инсулин? Он продается только по рецептам, знакомая докторша не выпишет, потому что у тебя нет никаких признаков диабета... и слава богу. Слава богу? Да за что же в данном конкретном случае его славить?

Сейчас Алена страстно желала быть больной, смертельно больной, причем чтобы время ее жизни было уже сочтено. И вдобавок, если бы она была больной, может, Михаил ее не бросил бы? Может, ему осточертело именно то, что она никак не желала быть слабой женщиной, что гордилась своей силой? Какая, к черту, сила, если у нее сейчас не осталось ничего для жизни, если она способна думать только о смерти и жалеет лишь об одном: что не может перестать жить немедленно, сейчас! И приходится еще думать, как похитрее смоделировать свое самоубийство. Насколько проще было Владимиру Кутькову, одному из участников банды, дело которой Алена начала изучать в архиве областного суда – для нового романа! Этот самый Кутьков покончил с собой буквально за несколько дней до того, как милиция вышла на след банды. Почему? Совершенно непонятно! Снял с крюка люстру, приладил вместо нее веревку с петлей, сунул в ту петлю голову – все на виду, на показ... А тут сиди и ломай себе голову!

Вернее, лежи.

Кстати! А что же это она все лежит да лежит, словно в анабиозе? Пока еще действует нижегородская сотовая связь, надо попытаться дозвониться до Михаила. Вдруг он вернулся в

квартиру? Вдруг возьмет трубку? Вдруг удастся сказать ему... объяснить... уверить, что она любит его, любит, что для нее нет жизни без него! Ну не может, не может же он быть настолько жесток, что оставит Алену в новогоднюю ночь в одиночестве! Оставит умирать в одиночестве...

Она соскочила с полки, пряча лицо от жадных взглядов попутчиц – просекли, конечно, что у нее глаза опухли от слез! – мельком отметила, что забыла не только газеты в ларьке, но и тапочки – дома, сунула ноги в сапоги и в синем шелковом халате, который раньше был маловат, а теперь дважды обхватывал фигуру, выбежала в тамбур.

Холодом проняло тело, но Алена сейчас не способна была воспринимать физические неудобства. Отвернувшись к заледенелой двери, вынула из сумки мобильник, принялась набирать номер.

За спиной хлопнуло, стукнуло, кто-то прошел из вагона в вагон. Потом еще раз и еще. Не сиделось людям на месте, всем остро понадобилось размять ноги, прогуляться. Небось косятся на дамочку в халате: чего трясется тут, на морозе? Да и пусть косятся, пусть слушают!

Гудок, еще гудок...

– Ольга Ивановна? Это опять Алена. Михаил вернулся? Он дома?

– Да, дома, – не приветливо отозвалась хозяйка квартиры. – Но он...

И в это мгновение холодный голос пропал.

– Ольга Ивановна, алло! Алло!

Алена зажмурилась, крепче стиснула зубы, пытаясь унять истерический вопль, так и рвущийся из горла.

Спокойно. Спокойно. Всего-навсего прервалась связь. Надо перенабрать номер.

Нажала на повтор. Прижала трубку к уху, слушая, как колотится сердце.

Сзади что-то гроыхнуло железно и так неожиданно, что Алена испуганно обернулась. Какой-то мужчина в черной короткой, легкой, не по сезону, кожанке открывал дверцу печки, доставая оттуда невероятно грязное, помятое ведро.

Дело обычное – проводник исполняет свои прямые обязанности. Однако что же это так долго не набирается номер? Алена снова нажала на повтор, вытерпела несколько безумных минут, но снова не дождалась гудка. Да что там, к черту, приключилось со связью?! Взглянула на дисплей. Электронные часы показывают 12.30, а больше ничего, никакой надписи, только в уголке светятся три вертикальные полосочки, означающие, что батарея заряжена. Батарея-то заряжена, да какой в ней прок, если уже 12.30 – то есть поезд увез Алену из зоны действия нижегородской сотовой связи! И теперь ей никак не дозвониться до Михаила, пока не приедет в Москву.

Господи боже! Да какого же черта она валялась все эти часы на своей верхней полке? Почему не названивала каждую минуту в Москву?! Вот уж воистину – кого бог хочет погубить, того он лишает разума. Вместо того чтобы предаваться греховным, жутким размышлениям о смерти, лучше бы попыталась дозвониться до Михаила. А теперь... теперь терпи, терпи еще четыре с лишком часа!

Господи, господи...

Алена повернулась, смахивая слезы и тихо радуясь, что тамбур уже пуст.

Она вошла в вагон, чуть не столкнувшись с кудрявой худенькой проводницей, которая, держа в руках два стакана, как раз подошла к кубу с кипятком. Другая проводница сноровисто бежала по качающемуся вагону с мусорным совком и веником. Девушки шустро шли как могли.

Да, хлопотная у них работа. В хлопотах и время пройдет незаметно. Это у них. А Алена... как она выдержит эти четыре часа? Сейчас они казались длиннее всей ее предыдущей жизни!

– Чайку не хотите? – спросила первая проводница.

Алена покачала головой, растянув губы в подобие улыбки.

– Что ж вы раздетая ходите? – упрекнула вторая. – Чай, не лето, простудитесь!

Алена снова покачала головой, еще шире растянув губы.

Парень в короткой черной куртке проскользнул мимо, бросив на нее косой взгляд. Она отвернулась и от него, и от улыбок проводниц, и от жадных глаз попутчиц в купе. Забралась на полку, вытянулась на спине, закрыла глаза и принялась тихо молить бога о том, чтобы удалось встретиться с Михаилом и уговорить его вернуться, а если это ей не суждено, то нельзя ли умереть прямо сейчас, немедленно, без мучений, от какой-нибудь внезапной остановки сердца или чего-нибудь в этом роде?

Очевидно, всевышнему эти взаимоисключающие просьбы показались невразумительными, бессмысленными, поэтому ни одну из них он не выполнил.

***

«Как я подпишусь? – подумал Володя. – Кутьков? Но ведь это, строго говоря, не моя фамилия. На самом деле я – Лапиков... Хотя кто его уже помнит, этого Лапикова!»

И он подумал: до чего же смешно, что он так ненавидел прежнюю фамилию. Она казалась ему мелкой, незначительной, она так и напрашивалась на издевательские прозвища. Лапка, Лапушка – дразнили его еще в школе, но совсем даже не ласково, а презрительно. Он учился еще в старших классах, когда стал мечтать сменить фамилию. Некоторые, он слышал, женились и брали фамилию жены. Особенно это было распространено среди русских, которым удавалось жениться на литовках (Володя раньше жил в Вильнюсе). Но, во-первых, таких ненормальных литовок – в конце 80-х выходить замуж за русских?! – с каждым днем оставалось все меньше, во-вторых, литовские девушки Володе не нравились, он хотел русскую жену, а в-третьих, брать фамилию жены ему казалось унижительным. Недостойным мужчины. Вот если бы разбогатеть и купить паспорт какого-нибудь... да хоть Ивана Иванова или Петра Петрова! Или вот еще красивая фамилия есть – Струмилин. Стрельцов тоже хорошо... Стать бы Стрельцовым! Новая фамилия, новая биография, новая судьба...

Когда он разбогател настолько, что спроста мог купить себе новый паспорт, делать это пришлось в такой жуткой спешке – земля горела под ногами Володи Лапикова! – что документ на имя Владимира Ивановича Кутькова показался ему даром небес. Совпадали год рождения, имя и отчество, даже фото на паспорте принадлежало такому же сухолицему, узкоглазому и темноволосому парню, каким был и сам Володя Лапиков. И только потом до него доехало, что он сменил шило на мыло, что был Лапкой, а стал Кутькой... Другое дело, что первый же осмелившийся подразнить его получил за это такой беспощадный удар в рыло, что умылся кровью и зарекся дразнить Володю Кутькова. Но новую фамилию Володя возненавидел еще пуще прежней и отчего-то ждал от нее подвоха. И о настоящем Кутькове размышлял с немалой толикой презрения, порою даже ненависти – бессильной ненависти, как будто этот Кутьков что-то обещал ему, а потом обманул, но его уже не поймаешь, не отомстишь ему.

И сейчас, тупо глядя на крюк в потолке, откуда он несколько минут назад аккуратно снял люстру и прицепил вместо нее веревку с петлей, Володя подумал: а вот интересно, как умер настоящий Кутьков? Что он мертв, можно было не сомневаться: документами живых те лихие люди, у которых Володя купил паспорт, не торговали, только абсолютно надежных жмуриков. Может, того Кутькова повесили? И не унаследовал ли от него Володя смерть вместе с фамилией? А вот еще вопрос – писал ли прежний Кутьков перед смертью прощальные письма?

Вот это вряд ли. Тем паче такие, какие намерен написать Кутьков нынешний. Это ведь будут не просто письма, а бомба. Хотелось надеяться, она разорвется как надо и зацепит своими осколками как можно больше этих сволочей, этих гадов, душегубов, которые загубили и его, Володю, и Ольгу, и еще множество разного народу.

Володя зажмурился, пытаясь сдержать слезы ненависти. Это чувство, ослепляющее его, было так сильно, что не давало задуматься: а давно ли он сам перестал быть такой же сволочью,

гадом и душегубом? И не своими ли руками он привел к гибели и жену свою, и себя самого... и это самое множество разного народа?

Он еще раз поглядел на петлю, которая терпеливо покачивалась, словно заведомо знала, что дождется, дождется-таки его бесталанной, повинной головы, потом сел за стол и заранее приготовленной ручкой написал на заранее приготовленном листке из тетрадки:

*«Генеральному прокурору
Нижегородской области» .*

Зачеркнул написанное и нахмурился, внезапно осознав, что не знает, как правильно назвать этого прокурора: генеральный? областной? главный? В Литве точно был генеральный, но где теперь та Литва! Черт, как же он называется, здешний начальник прокуроров? «Умывальников начальник и мочалок командир...» Уж кому-кому, а ему, Володе Кутькову-Лапикову, следовало бы знать такие мелочи. Говорят, профессиональные преступники знают до тонкостей всякие там статьи УК, особенно те, которые имеют отношение к их собственным делишкам. А Володя не соображает даже, как правильно титуловать человека, к которому обращает свое последнее, предсмертное письмо. С другой стороны, разве он был профессиональным преступником?..

Ну конечно, какой же он преступник? Преступники – это другие, а он – просто так, рядышком постоял!

И внезапно захотелось, чтобы все это закончилось как можно скорей. Володя схватил другой листок, ниже склонился к столу и снова написал:

*«Генеральному (областному) прокурору
Нижегородской области.
Признание.*

Я, Кутьков (Лапиков) Владимир Иванович, 1969 года рождения, 18 сентября, хочу признаться в своих преступлениях, которые совершил в 1999–2001 годах совместно с гражданами Сайковым, Басаврюком и другими...»

Он посидел немного с закрытыми глазами. Теперь самое главное – ничего не забыть. Ничего и никого! Начать, конечно, нужно с этого, как его... с того мужика, которого они с Сайковым придавили, чтобы обзавестись машиной. Ведь это было одним из самых необходимых условий исполнения их замыслов.

Он беспомощно покачал головой, вспоминая, как драпал когда-то из Литвы. Зачем сорвался?! Молодой был, глупый. Все, что на нем висело, – это грабежи, разбой. Но не убийства! Там он никого не убивал, отделялся «отчуждением собственности», так сказать. При чем отчуждал он ее у кого? У преуспевающих литовцев? У полноправных граждан? Нет. Тряс почем зря соотечественников, таких же русских, как он сам, которые за бесценок продавали отличные квартиры, буквально за гроши сваливали мебель, посуду, технику, потому что вывезти контейнеры с вещами из Литвы становилось все труднее и не было никаких гарантий, что их не тормознет таможня и не придется все нажитое свалить на границе – за совершенно мифическое нарушение вывоза имущества из маленькой, но гордой Литовской Республики.

Премудрый пескарь, которого все годы «русской оккупации» изображала из себя означенная республика, в одночасье обратился в очень даже зубастенькую щучку, а вернее – в пиранью, которая мертвой хваткой вцепилась в тех, кто пытался бежать в Россию, и если отпустила, то вырвав изрядное количество живого мяса. Володя почему-то не думал в то время, что он выступает подручным этой социальной пираньи. Строго говоря, они с поделщиками тоже были пираньями, но очень осторожными, потому что, как уже было сказано, грабили только тех, кто уже распродал все добро и буквально завтра готовился сесть в поезд Вильнюс—Москва. Оставалось только ночь переночевать на бывшей исторической родине! Зачастую при эмигрантах оставалась только пара-тройка чемоданов с самыми ценными вещичками и забот-

ливо оберегаемая сумка с несколькими десятками тысяч долларов. И вот в последнюю ночь в их квартиру приходили и уносили все, с чем эти беженцы собирались вернуться в Россию, чтобы начать там новую жизнь...

На Володю и его «бригаду» работал один литовец, Альгимантас Юоза, который был немалым чиновником в визовом отделе эмиграционной службы. Он получал десять процентов с каждого грабежа и постоянно брюзжал с этим своим противным чухонским акцентом, что это мало, мало, мало! Или чухонцы – это не литовцы, а эстонцы? Черт их разберет, всех этих прибалтов, Володя их всегда презирал и был убежден, что десять процентов для брюзгливого и высокомерного Альгимантаса – это много, много, много! Но за меньшую сумму Альгимантас стучать отказывался категорически. И тогда Володя подумал: а за каким чертом он называет Юозе истинную сумму краденого? Всегда ведь можно назвать вместо пятидесяти тысяч баксов сорок?

Он так и стал поступать. И какое-то время Альгимантас не чувствовал обмана. Но ведь во всяком деле главное – на€чать, как говорил советский президент с жутким пятном антихриста на башке. Правильно говорил, между прочим. Сорок тысяч постепенно превращались в тридцать пять, потом в тридцать, двадцать пять, двадцать... И в конце концов даже этот самодовольный болван, который был уверен, что никакой русский тупица никогда не посмеет и не сможет обдурить настоящего высокородного литовца, потомка, чем черт не шутит, какого-нибудь крестоносца, пятьсот или сколько там лет назад от нечего делать обрюхатившего какую-нибудь жмудинку (точно, жмудь – вот как звали литовцев, не чухонцы они были, а жмудины!), короче, в конце концов Альгимантас просек обман и начал сучить ножками. Состоялся крупный разговор. Стрелку, короче, забили. Юоза сказал, что донесет на Володю. Володя только захохотал в ответ и сообщил, что сядут в случае такого доноса они все – вместе с другом Альгимантасом, который как-никак играл роль наводчика, а значит, был не только пособником совершения преступления, но и соучастником. Ради бога, если Альгимантасу охота сменить пошитый на заказ костюмчик на лагерный клифт, – это его право: вольному воля, а пьяному рай, – но почему бы не поладить миром? Где это сказано, в какие кодексы занесено, что литовцу и русскому непременно надо доходить до ссоры и раздела совместно нажитого имущества? Почему не продолжить столь плодотворное сотрудничество? Альгимантас простит Володю, Володя простит Альгимантаса, они выработают новые условия сделки, при которой никто никого не обидит.

– Хорошо, – помнится, сказал тогда Альгимантас. – Очень хорошо. Но теперь я хочу пятнадцать процентов!

– Нормально, – ответил Володя. – Я согласен. Считаю, ты заработал сумму, которую просишь. Пять так пять.

– Я сказал – пятнадцать! – распылил губы в улыбке Альгимантас, уверенный, что собеседник ослышался.

– Ты же сказал – пять! – оскорбился Володя. – Первое слово дороже второго!

Начали судить да рядить, перешли на крик, на взаимные хватания за грудки... Может быть, набив друг другу морду, они поладили бы, пришли бы к какому-нибудь общему знаменателю, но, к несчастью, слишком увлеклись выяснением отношений и громкими криками. Так орали друг на друга, так пытались выяснить, кто более матери-истории ценен, русские или литовцы, что не расслышали, как вернулась домой жена Альгимантаса, Диана. Была она баба красивая, но еще более высокомерная, чем муж, а главное, чрезвычайно глупая. Первым мужем ее был русский (ну, вот такая произошла с девушкой ошибка молодости), и она из кожи вон лезла, стараясь заставить знакомых и друзей, а главное, второго мужа об этом позабыть. Не было, казалось, во всем Вильнюсе, где знамя русофобии держали чрезвычайно высоко, другой такой упертой ненавистницы всего советского, а прежде всего – русского. Услышав цветистую

брань, которой украшает ее муженька какой-то ванька, Диана потихоньку пробралась к телефону и вызвала милицию. Вернее, полицию, как ее теперь стали величать.

Приехали отборные литвины в черных мундирчиках и отрывистыми, какими-то по-немецки лающими голосами потребовали спорщиков к ответу. Как ни пытался их урезонить струсивший Альгимантас, его обвинили в отсутствии национальной гордости (в ту пору в Литве это обвинение было не менее серьезным, чем обвинение в отсутствии расового сознания в Третьем рейхе!), а Володе заломили рученьки и начали его обыскивать. А у него при себе была такая пластиковая папочка, в которой велся строжайший учет всех их расчетов с Альгимантасом... Адреса ограбленных квартир, список взятого имущества, расписки Юозы... Короче, следственной бригаде даже работать не надо было – весь материал Володя имел при себе.

И в эту минуту он понял, что пора последовать примеру многочисленных соотечественников и променять родину историческую на родину этническую... Первым шагом был рывок, потом косой свинг в челюсть ближайшего полиция, а затем – прыжок в окошко (Юоза жил, на счастье беглеца, на первом этаже). Документы его остались на столе. В документах был указан адрес.

Но больше Володя по адресу прописки не появился ни разу. Деньги и особо ценные вещи он ради осторожности держал в квартире, которую снимал у одной тихой русской пенсионерки. Об этой явке не знал никто из самых близких друзей, из самых надежных поделельников. Там Володя и отсиживался трое суток – пока верный человек добывал ему новый паспорт. Так Лапиков стал Кутьковым, а после этого Володя спокойно перешел белорусскую границу и вскоре оказался в Нижнем Новгороде, где жила его мать, вышедшая замуж за нижегородца и успевшая к тому времени овдоветь.

Какое-то время Володя существовал очень даже недурно – пока деньги были. И мать к нему в ту пору очень прилично относилась. Но ютиться в однокомнатной хрущевке вдвоем было глупо – Володя купил себе квартиру, причем в верхней, престижной части города, отремонтировал ее, обставил. Приоделся. Женился на Ольге. Они съездили в загранку – в свадебное путешествие в Турцию. Отдохнули на курорте, прибарахлились, кое-какой шопинг совершили – для перепродажи здесь. А вернувшись, исполнили свою давнюю мечту – купили джип «Чероки». Классный такой, вишневого цвета... В первую же ночь после покупки, как он оставил машину на охраняемой стоянке, неизвестные доброжелатели владельца этой стоянки организовали налет на его дом, стоявший тут же, в десятке метров от охраняемых машин. Дом подожгли, стоянку тоже не помиловали. Владелец погиб, машины сгорели, нижегородская милиция только руками разводила... Оставалось утешаться, что не один Володя пострадал, человек тридцать, а то и больше, лишились таким образом дорогушей импортной техники.

Почему-то это Володю не утешило...

Ущерб пострадавшим никто не возместил. Тем, у кого тачки были застрахованы, еще удалось что-то выкачать из своих компаний. А Володя застраховаться не успел. Он ходил в милицию, требовал чего-то. Но что тут можно было требовать? И требовать нечего, и получить – тоже нечего.

Он и не получил. И остался без денег.

Практически с пустым карманом.

Надо было искать работу.

И тут Володя осознал, что он не умеет в жизни ничего, кроме как воровать. А что? Что воровать? Из Нижегородчины никто не эмигрировал, его профессиональный навык здесь был без надобности. Кое-как перебивался случайными заработками. Кое-что из купленных прежде вещей пришлось продать. А потом родился сын... Володя всерьез стал бояться, что Ольга не выдержит хронического безденежья и слиняет к другому мужику – вокруг нее всегда их вилось

предостаточно. И тут Ольга первый раз привела к ним в дом свою двоюродную сестру, у которой возникли домашние проблемы...

...Помнится, в тот вечер они играли в карты, и Володе несколько раз подряд приходили туз и десятка пик.

– Карты смерти, – сказала Ольга, которая была изрядно пьяна в ту минуту.

Он усмехнулся: конечно, ведь к тому времени Ольгина сестра уже сделала ему первый заказ! Он думал, что карты указывают на тех, кого предстояло убить, что они не будут иметь отношения к нему самому!

Напрасно думал. Черная метка – вот что такое были эти карты! Черная метка – предвестие гибели.

Он посмотрел вверх и вдруг подумал, что петля над его головой очень напоминает перевернутый пиковый туз. Смешно, да?

***

Алена отошла от телефона.

– Девушка, карту забыли! – крикнул ей кто-то вслед, но она не оглянулась – махнула рукой и пошла дальше.

Тут же спохватилась, что, может, телефонная карта еще пригодится – куда-нибудь позвонить, там же больше половины бит осталось, – но не смогла обернуться, показать людям свое зареванное, скомканное отчаянием лицо. Да и куда, зачем ей теперь звонить? Михаил уехал... улетел в Болгарию, как сказала его квартирная хозяйка. Вернется только после десятого.

Может, она врала. Может... Но Алена поверила – не столько ее холодным, равнодушным словам, сколько своим ощущениям. Она еще в поезде почувствовала – кожей, телом, всем существом, сердцем, – что едет напрасно, что толку из этой поездки не будет. Что-то подсказывало: Михаила в Москве нет. Не понимала, почему уверена в этом, но вот, оказывается, не обманулась.

В Болгарию! Почему именно в Болгарию? Ну да, там друзья юности, оттуда недавно приезжал какой-то Васко Станчев, из-за которого Михаил, собственно, и заторчал в Москве перед Новым годом.

В Болгарию... Но в Болгарию так быстро не уедешь. Нужно оформлять визу. В один день не сорвешься. Как ни стремителен, ни внезапен в своих поездках Михаил – Стрелец все-таки! – даже ему нужно время, чтобы улететь за рубеж. Получается, что в то время, когда он писал свое жуткое письмо Алене и передавал его фирме-доставщику, он уже знал, что поедет в Болгарию? Не потому ли написал это письмо, что хотел поехать именно один, чтобы жена не мешала, не просила взять с собой, не обижалась бы, что он едет встречать Новый год с друзьями, а не с ней?

Ну да, все это было проделано именно для того, чтобы она не обижалась!

Алена остановилась, покачала головой. Ну что за бредятина в мозгу крутится?! А между тем она чувствовала, что способна сейчас поверить в любое самое неправдоподобное объяснение случившегося. Только бы найти его – это объяснение!

Ее вдруг шатнуло от внезапно навалившейся слабости. Понятно – с утра маковой росинки во рту не было, а точнее – со вчерашнего дня. Есть не хочется, однако ноженьки начали ощутимо подкашиваться. Остановилась, подождала, пока отхлынула от глаз тьма. Тьма-то отхлынула, но вместо нее навалилась необходимость решать, что же делать дальше.

31 декабря. Впереди новогодняя ночь, которую так или иначе предстоит встретить в одиночестве. И это бы еще полбеды. Хуже, что общения с людьми избежать не удастся. Потому что если даже она сейчас купит билет на ближайший поезд, то праздничная полночь застигнет ее в дороге. Со случайными попутчиками, которые, конечно, вряд ли будут спать...

И что, снова растягивать губы в резиновой улыбке? Пытаться разделить с чужими людьми веселье, хотя на душе у тебя печаль смертная? Изображать радость, когда тебе хочется только навеки похоронить себя в их с Михаилом совместном прошлом?

Есть еще вариант – остаться в Москве. Скажем, позвонить коммерческому директору издательства, в котором печатаются ее книги. Он к Алене благоволит, может статься, даже пожалеет, посочувствует...

Ой, нет! Только не быть жалкой, тем более в глазах этого человека, который считал их брак с Михаилом образцовым и всегда почтительно передавал приветы «обожаемому супругу». Да и какое она имеет право портить человеку настроение своим унылым голосом? К тому же директор почти наверняка улетел на праздники куда-нибудь в Альпы – на лыжах кататься. И дай ему бог хорошей лыжни!

А что делать, если никому не звонить? Побродить по промороженной столице или на вокзале посидеть, приткнувшись к батарее? Будто бомжиха какая-нибудь? Купить бутылочку пивка – не шампэйн же глушить в одиночестве! – и посасывать из горлышка ненавистный напиток: с Новым годом, с новым счастьем?

Алена тупо покачала головой. Она была так растеряна, так потрясена, что даже боли никакой уже почти не чувствовала. Жалела только об одном: что вообще сорвалась в эту проклятую Москву. Надо было звонить, беспрестанно звонить из дому. Может быть, перехватила бы все-таки Михаила.

Хотя нет. Поедом бы себя съела за то, что не использовала последнего шанса, дарованного судьбой. Теперь хотя бы утешает сознание: сделала все, что могла.

Впрочем, разве хоть что-то может ее утешить? Разве что естественные транквилизаторы? В смысле, какая-нибудь еда...

Хорошо бы сейчас оказаться дома, около битком набитого холодильника (накануне Нового года Алена запаслась самыми изысканными деликатесами).

Домой! Да, надо как можно скорей добраться домой! Избитое сравнение со зверем, стремящимся в свою берлогу, чтобы зализать раны, показалось Алене самым истинным на свете. Она и всегда-то чувствовала себя в Москве неуютно, сейчас же было полное впечатление, что стоит на сквозняке, вся открытая ледяным ветрам.

Ринулась в кассовый зал, припоминая расписание. Ближайшим поездом домой. Самым ближним! С той же стремительностью, с какой рванула из дому, – теперь рвануть обратно!

Через несколько минут выяснилось, что билеты остались только на девятичасовой фирменный, Москва – Нижний. Все проходящие забиты под завязку.

– Есть свободные купе СВ? – спросила Алена: мысль о попутчиках по-прежнему была невыносимой.

– Сколько угодно. Вам что, два места?

– Одно. Но, пожалуйста, дайте в незанятое купе! Пожалуйста!

– Да какие проблемы? – улыбнулась кассирша. – Пока еще ни одного билета в СВ не продано. Если так пойдет, поедете одна в вагоне.

– Хорошо бы!

Алена заплатила за билет, мельком подумав, что начинают возвращаться условные рефлексы, которые она считала уже вовсе отмершими (к примеру, улыбается в ответ на улыбку, какие-то обязательные слова говорит, ведет себя вполне цивилизованно, даже слезы удается сдерживать). Или боль притупилась, или бешеная гордыня помогает держаться?

Да какая разница! Теперь главное – не грохнуться в голодный обморок. До девяти – времени вагон, поесть успеет, даже объесться. И где? Да хоть в «Макдоналдсе».

Она спустилась в метро, и пока ехала, тупо уставившись на свое расплывшееся, перекошенное отражение в темном стекле, – потребовалось немалое время, чтобы до ее отупевшей головушки дошло: это не лицо от слез опухло, это стекло до такой степени кривое, прямо

как в комнате смеха! – вспоминала, как Михаил когда-то привозил ей из Москвы коричневые фирменные пакеты «Макдоналдса», набитые биг-маками, картошкой фри и яблочными пирожками. Все это было остывшим, привядшим каким-то, а все равно – казалось необычайно вкусным. Потом в Нижнем один за другим открылось несколько ресторанов «Макдоналдс», стало возможно оторваться там вволю, потом все этой ненастоящей едой пресытились, Алену туда и палкой не загнать было, однако сейчас до такой степени захотелось чего-то из прошлой, счастливой, беззаботной жизни... Теплого и надежного. Толстого и калорийного.

Она доехала до «Площади Революции», поднялась из метро и повернула было на Красную площадь, однако в лицо ударило таким студеным, неприветливым вихрем, что прикосновение к сердцу столицы пришлось отложить до более приветливых времен. Снова спустилась под землю и переходами вышла почти к Центральному телеграфу. Народище валил валом, сплошь увешанный сумками, распаренный от предпраздничных хлопот, спешащий и ничего вокруг не видящий. Толкались более обычного, и Алена вспомнила, как английский король Эдуард Длинноногий сокрушался: Шотландия, мол, всем хороша, не будь в ней так много шотландцев. С точки зрения Алены, Москва тоже была бы всем хороша, кабы не было в ней столько москвичей. Хотя москвичи на работе сидят или дома, а на улицах толкаются приезжие.

– Яблочки, зимние, подмосковные, из своего сада. Покупайте, недорого! – схватила ее за рукав румяная бабища, притулившаяся с огромной корзиной у выхода из подземного перехода, и повертела так и этак большое, чуточку продолговатое румяное яблоко. Алена только и могла, что растерянно похлопать глазами, потому что это был «джонатан», типичный «джонатан», который, как известно, по форме очень своеобразен, ни с чем его не спутаешь, и на котором даже сохранилась фирменная наклейка. Вряд ли этот сорт, вдобавок с наклейками, произрастал в чьем-то подмосковном саду! Однако глаза у продавщицы были честные-пречестные...

Алена остановилась, пережидая поток машин, которым всем вдруг срочно понадобилось промчаться мимо Центрального телеграфа. Два качка с тупыми рожами *завсегдатаев* – неважно чего, хоть пивнушек, хоть пельменных, хоть третьеразрядных казино – стояли возле крутой тачки, марки которой Алена по темноте своей не разобрала, и обменивались репликами о каких-то ценных бумагах. На каждое нормальное слово приходилось как минимум два «типа» и три мата. Женщина с усталым лицом, остановившаяся возле Алены, сказала зло:

– Козлы деловые, людей из себя строят!

Алена перешла дорогу, невольно улыбаясь и вспоминая бессмертную комедию Грибоедова «Горе от ума»: «От головы до пяток на всех московских есть особый отпечаток!»

Может быть, Михаил поступил с ней так именно потому, что он все же был москвич – от головы до этих самых пяток? И никак не желал сделаться нижегородцем, окончательно осесть в чужом городе, хотя там была трехкомнатная «сталинка» и масса возможностей для работы журналисту такого уровня, каким был Михаил, а в Москве – чужая комната и только случайные заработки там и сям?

«Не думай, – почти взмолилась Алена. – Не думай о нем хотя бы сейчас!»

Если будет думать – будет плакать. А сил и так нет. Если сейчас опять предаться страданиям, только и останется, что свернуться клубочком у крыльца Центрального телеграфа, словно она собачонка, выгнанная из дому хозяином. А почему бы не задуматься о том, что судьба неожиданно дала ей шанс? Михаил пробудет в Болгарии до десятого января. Мало ли что произойдет за это время? Какая бы раскаленная игла ни ткнула его в сердце и ни заставила сделать то, что он сделал, может быть, он спохватится и поймет, что ему не жить без Алены?

Он вернется, не может не вернуться!

Ей надо набраться терпения и подождать. Просто подождать. Дожить до десятого января. А чтобы дожить, надо все-таки поесть.

Она вошла в теплую, сверкающую, разноцветно и весело украшенную стекляшку «Макдоналдса» и подумала, что нету, конечно, места лучше, чем это, для снятия стрессов, настолько

здесь все легковесно, забавно, незначительно, от качества еды до улыбок, приклеенных к лицам продавцов.

А вот к ее собственному лицу улыбка никак не желала приклеиваться. Алена не сомневалась, что физиономия у нее самая что ни на есть унылая, никак не соответствующая царящему вокруг лихорадочному предпраздничному веселью. И, не желая раздражать сидящих вокруг своим тоскливым видом, а главное – самой раздражаться от зрелища равнодушно жующих рож, она устроилась спиной к залу и лицом к окну, выходящему на стену Центрального телеграфа.

Глотнула горячего кофе – вернее, того напитка, который называли кофе в «Макдоналдсе», откусила кусок котлеты – вернее, того продукта, который называли здесь котлетой, – и подумала, что если все-таки она выживет, а Михаил так и не вернется, то вся жизнь ее будет не чем иным, как суррогатом. Подобием жизни. В пластиковом стаканчике – всего лишь суррогат кофе, между половинками псевдобулочки – суррогат мяса, а в бумажном пакете – пузырчатый, ненастоящий какой-то пирожок с суррогатом вишни...

Не думать!

Жевала, глядя на рекламные щиты, закрывшие окна Центрального телеграфа. Вот девица с прилизанной, словно бы облысевшей головой. На затылке – тоненькая-претоненькая косичка. И надпись: «Все для ваших волос». Оказывается, это реклама шампуня. Ничего себе! Поможешь голову средством под названием «Косметика 36 и 6» – и немедленно облысеешь, как эта несчастная девица.

В соседнем окне физиономия пухлощекоего младенца с надутым розовым сердечком вместо рта. «Все для вашего малыша». Рядом – сплошь зеленый плакат и надпись: «Все для вашего тела».

Вот так, да?.. То есть это реклама косметических средств для мутантов?

Слишком сложно для бедной провинциалки! Алена отвела глаза от рекламы и увидела какого-то парня в кожаной куртке, который стоял напротив, за стеклом, и буквально пожирал ее взглядом.

А может, вовсе не ее. Может, тот последний кусочек биг-мака, который она как раз в эту минуту отправила в рот.

Перехватив удивленный взгляд Алены, парень угрюмо отвернулся и медленно пошел вдоль длинного ряда сияющих окон.

Она запила биг-мак кофе и распаковала пирожок, вспоминая, с какой ненавистью тарасился на нее этот тип. По виду он из тех, кто покупает жареные беляши и чебуреки у уличных торговков. Говорят, в те беляши чуть ли не собачатину кладут! Небось парень в черной куртке считает Алену ужасной буржуйкой и ненавидит за то, что она ест дорогую американскую еду.

Ну и дурак, нашел чему завидовать! Жареный беляш в Москве и биг-мак где-нибудь в Париже – одинаково презираемая еда, так что всю силу его классовой ненависти следовало бы направить на обитателей всяких там «Савоев», «Метрополей» и разных прочих несусветных заведений.

Пирожок, пирожок... ну-ка, съешь меня, дружок!

Алена откусила кусочек пузырящегося теста – и ахнула, когда произведение американской кулинарии вдруг переломилось в ее руках надвое и покрыло веселенькими пятнами серый свитерок.

Она тупо продолжала жевать, держа пирог в одной руке, а другой оттягивая свитер от груди – начинка была не только яркой, но и очень горячей. Потом спохватилась, схватила салфетку и принялась вытирать свитер. К счастью, он был не чисто шерстяной, вернее, совсем даже не шерстяной, а связанный из толстой, блестящей вязкой нити. Но все равно – ультра-розовые пятна выделялись отчетливо, слишком даже отчетливо. «Да что же у них за пирожки такие дырявые?!» – возмущенно подумала Алена. И вдруг вспомнила хрестоматийную исто-

рию о какой-то американке, которая обожглась в «Макдоналдсе» кофе и высудила у компании два миллиона за то, что напиток был слишком горячим.

А не подойти ли сейчас к стойке и не покачать ли права? Два миллиона Алене очень даже бы не помешали. Да и любая, пусть менее значительная сумма. Она могла бы перехватить в каком-нибудь агентстве горящую путевку в Болгарию и...

И что? Разыскивать там любимого мужа? Шатаясь по городам и весям, словно Диоген, днем с фонарем? Болгария, конечно, страна маленькая, однако найти там Михаила так же реально, как... как высудить два миллиона баксов за испорченный свитерок.

Опять же, пока она будет качать права, вишневая начинка сроднится с вискозой так, что разлучить их потом окажется совершенно невозможно. А свитерок красивый, бесподобно идет к Лениным серым глазам. И, учитывая, что качание прав определенно кончится ничем, не лучше ли заняться более перспективным делом?

Алена глотнула напоследок остывшего кофе, подхватила со стула тулупчик, сумку и ринулась со всех ног в туалет, расположенный в подвале. Минувя вход, она с трудом пробилась сквозь ватагу любителей биг-маков, именно в это мгновение ввалившуюся в ресторан. А в туалете, к ее изумлению, не было ни души. Ничтоже сумняшеся Алена стащила свитер и принялась замывать пятна под струей прохладной воды.

В это самое мгновение парень в черной куртке – тот самый, что разглядывал Алену через окно, – вырвался из толпы, собравшейся у входа, подошел к ее столику и разочарованно уставился на пустой стул и пустой поднос. Огляделся... Да разве можно что-нибудь рассмотреть в этой толчее! Неужели эта сучка ушла именно в ту минуту, когда он вошел? То есть они так по-глупому разминувшись?

А может, она еще не ушла, а просто-напросто отправилась в туалет?

Парень стал оглядываться, ища табличку, потом обнаружил стрелку с двумя фигурками сбоку и радостно ринулся в подвал. Радость его, впрочем, поугасла на полдороге, когда он вспомнил, что женщина, которую он ищет, определенно направилась в женский туалет, а он как-никак принадлежит к совершенно противоположному полу.

Караулить под дверью? А если этой твари там и в помине нет? Вдруг она и впрямь ушла из «Макдоналдса», и если он окажется на улице прямо сейчас, еще успеет разглядеть где-нибудь вдали ее светло-серую короткую дубленку?

Что же делать, ешкин кот?! Не разорваться же ему!

Да здравствует синтетическая пряжа! Да здравствует синтетическая пища! Да здравствует синтетическое мыло! Эти три компонента прекрасно ладились между собой, и уже через минуту Алена вздохнула с облегчением, поняв, что пятен на свитере не останется.

Вот если бы его хоть чуть-чуть посушить... Скажем, под автоматической сушилкой. Она шагнула к стене, но в это время за дверью зацокали по ступенькам каблук. Стоять полуголой (Алена принципиально не носила комбинаций, а сегодня, собираясь в дорогу впопыхах, она забыла надеть и бюстгальтер) даже перед женщинами – до такой степени пофигизма Алена еще не дошла, а потому, подхватив с пола сумку и сорвав с вешалки тулупчик, шмыгнула в самую дальнюю кабинку.

Дверь туалета шумно распахнулась, каблук загрохотали по кафельному полу, а потом оживленный девичий голос прокричал:

– Да нету тут никого! Слышишь? Нету!

Дверь хлопнула вновь, и стук каблуков начал удаляться вверх по лестнице.

Однако выйти и толком высушить свитер Алене не удалось: в туалет ввалилась толпа жаждущих справить естественные надобности, и поток народа уже не иссякал. Зато через четверть часа иссякло терпение Алены. Она надела на себя сырой свитер, вышла из кабинки, к

радости немалой очереди, которая топталась в туалетной комнате, и покинула «Макдоналдс», потуже запахнув на груди дубленку.

Конечно, лучше бы идти душа нараспашку. Может, наживешь чахотку и умрешь самым что ни на есть естественным, натуральным образом...

А может, и не умрешь. И даже если повезет насмерть простудиться, сколько еще мучиться придется, пока коньки отбросишь!

Алена отвернулась от порыва снежного ветра и спустилась в переход, ведущий к метро.

До поезда еще больше часа, однако шататься по улицам она не станет. На вокзал. Прямым ходом на вокзал!

***

Неля писала это письмо долго-долго. Сначала подбирала слова, потом хотела исправить ошибки, но от волнения создавалось впечатление, что только еще больше их насажала. Потом махнула рукой: да ладно, не в институт же поступать собирается. Сойдет и так. Главное – смысл. И фотография.

Фотографию она выбрала из недавних – щелкнули на Маринкином дне рождения, который гуляли в салоне, и Неля получилась на удивление хорошенькая. Конечно, рядом с Лорой, Верой и Маринкой она проигрывала, но, когда вырезала свое изображение и наклеила на белую бумажку, показалась себе просто ослепительной красавицей. К такой мордашке бы фигурку покруглее да нормальную ногу... чтоб он сдох, тот коновал, который так грубо вытаскивал ее из мамкиного живота. Ну, конечно, бывает, идет младенец ножками вперед, тяжело такого рожать, но это же не значит, что надо дитя тащить, будто поганого котенка! Ее тащили именно так. Одно извиняло этого коновала: он спешил спасти умирающую мать Нели. В результате и мать умерла, и дочь он изувечил.

Тогда семья Ховриных жила в Лучанке, это в Сергачском районе, отцу было не до лечения Нелиной ноги. Да и потом ему всегда было на дочку наплевать. Вот и привыкла ковылять, будто уточка. С малолетства сжилась с мыслью о своем неминуемом женском одиночестве, даром что переспала с пьяным одноклассником – конечно, не в школе, а после ее окончания. Того парня как раз должны были забрать в армию, и на проводах накануне рокового утра он так напился, что ему было все равно, где, с кем и как. Неля тоже была хороша, она даже ничего не почувствовала, кроме первой боли, наутро еще тупо удивилась, откуда что на бельишке взялось. Тот парень все еще служил, но Неля была не такая дура, чтобы поверить: мол, вернется и женится на ней. Во-первых, он явно ничего не помнил, а если даже и помнил, постарался забыть. Потом у нее было еще двое или трое случайных перепихов, и она отчетливо помнила брезгливость на лицах мужчин, когда похоть оставляла их, а на смену приходило отрезвление. Такова, видно, ее судьба.

И все-таки хоть на полчаса они ею соблазнялись. Но то были парни простые, сельские. А сумеет ли она соблазнить городского?

Неля покрутилась перед зеркалом, стараясь не обращать внимания на ногу, представила себя в сексуальном красном белье вроде того, каким недавно хвасталась Лорка, попыталась накраситься так, как учила Марина («Нелечка, у тебя такая славненькая мордашка, а если наклеишься как следует, будешь просто очаровашка!»), но сразу въехала кисточкой с тушью в глаз, сморщилась, пошла умываться – и махнула рукой на макияж. Чего дурию маяться, в самом-то деле? Может, та женщина, которая давала объявление, и внимания на ее письмо не обратит? Там у нее небось таких писем пачки и пачки. А может, это вообще розыгрыш?..

Она изо всех сил уверяла себя, что этому не стоит придавать значения, не надо ничего принимать всерьез, чтобы потом зря не расстраиваться, но странное объявление ее уже прочно зацепило. Вот так распыленная во все стороны блесна цепляет за жабры глупую щучку – и

не вырваться! Неля зацепилась настолько прочно, что даже побоялась доверить свое ответное письмо почте. Еще вскроют какие-нибудь хулиганы почтовый ящик, у них в Высокове такая шушера порой шляется! Почту там вообще неделями могут не забирать, делается ка-зна-що, как говорил покойный папашка. Чтобы не рисковать, Неля просто взяла и после смены сама пошла на Главпочтамт, благо площадь Горького, где он расположен, в пятнадцати-двадцати минутах ходьбы от салона, а по Покровке прогуляться в любое время года – одно удовольствие.

Там же, на Главпочтамте, она купила конвертик с видом кремлевских башен – Воронья, самая Нелина любимая, – тут же за большим круглым столом надписала конверт, три раза проверив цифры, и подошла к окошечку «До востребования». Хотела попросить приемщицу просто так взять да и положить письмо в нужную ячейку, чтобы не болталось в ящике.

Одновременно с ней к окошку приблизилась худощавая женщина с тщательно уложенными пепельными волосами, в синем пальто, и, пока Неля набиралась смелости заговорить с приемщицей, просунула под стеклянную вывеску бордовую книжечку:

– Девушка, посмотрите, пожалуйста, по номеру удостоверения.

Приемщица проверила какие-то полочки и вернула удостоверение с пачкой писем:

– Ого, сколько! Устанете читать!

Женщина буркнула что-то в ответ и отошла в сторонку, просматривая свою обширную почту. Тут Неля решилась-таки протянуть в окошко свой конвертик:

– Девушка... а вы не могли бы положить вот это письмо?

Приемщица взглянула на адрес и воскликнула:

– Женщина, подождите! Вот вам еще одно письмо!

Женщина в синем пальто обернулась недоверчиво:

– Еще одно? От кого? От вас?

Неторопливо смерила Нелю взглядом с головы до ног, особенно задержавшись на ортопедическом ботинке. Подобие улыбки отразилось в небольших карих, тщательно подкрашенных глазах. Потом вскрыла конверт, пробежала взглядом текст, всмотрелась в фотографию. Тщательно сличила изображение с оригиналом, точно принимала Нелю на работу в режимное предприятие. Пояснила:

– Почему-то всегда на фотографии ну просто Мэрилин Монро, а в натуре – какая-нибудь зачуханная корова из области.

– Я тоже из области, – зачем-то сказала Неля.

– Да не в этом дело! – махнула рукой женщина, продолжая мерить ее глазами. И вдруг спросила, понизив голос, чтобы не слышала приемщица, которая поглядывала на них с нескрываемым любопытством: – Шрамы на ноге есть?

Неля почувствовала, как запылали щеки. Пока была жива бабушка, она не теряла надежды вылечить внучку, трижды пристраивала ее в ГИТО на операции. Результатом этих операций были такие уродливые шрамы, что Неля распростилась с мечтой носить тонкие капроновые чулки. Она чуть заметно кивнула, с трудом удерживаясь от желания нагнуться и почесать шрамы, которые вдруг начали жутко зудеть, а потом побежать бегом (ну, насколько ей это было доступно, конечно!) прочь отсюда, от этой женщины с ее немигающими глазами и странными, пугающими вопросами.

Но она не почесалась, не убежала, а только кивнула еще раз и с усилием расклеила пересохшие от волнения губы:

– Да. Есть шрамы. Очень уродливые...

Напряжение из глаз женщины внезапно исчезло. Создавалось впечатление, будто растаял лед. Губы растянулись в улыбку. Она повернулась к большой урне, стоявшей чуть позади, около стойки, сунула туда всю пачку только что полученных писем и шумно, с облегчением вздохнула:

– Ф-фу! Надоели мне они все – я тебе сказать не могу, до какой степени!

И, подхватив Нелю под руку, стремительно пошла через зал почтамта к выходу. Нелю она даже не поддерживала, а просто-таки волокла за собой, и та от растерянности неуклюже култыхалась следом, как будто у нее была хромая не одна нога, а обе.

– По... погодите, – наконец-то осмелилась выдать Неля, – я не успеваю, я не могу так быстро!

Женщина обернулась – и Неля чуть не ахнула: в глазах ее блеснули слезы.

– Извини меня, – сказала внезапно охрипшим голосом. – Я так рада – просто передать тебе не могу. Я тебя именно такой и представляла, когда все это придумала. Ты – моя копия. Просто моя копия, понимаешь? Я именно такая в молодости была, а он только от таких тащится. От тебя он просто обалдеет. Главное, ты все делай в точности, как я скажу. И все будет отлично, поверь!

***

– Осторожно, двери закрываются, следующая станция – «Комсомольская»!

Алена слабо улыбнулась. Ой, как когда-то хохотали они с Михаилом в киевском метро, внимая вдохновенному голосу из громкоговорителя: «Побережно, двери закрываются. Наступна станция – «Площа Жовтневої Революції». Наказав же господь людей таким языком... А потом посмотрели на предупреждение, перечеркнувшее вагонную дверцу: «Не при-тулятися!» – и просто-таки зашлись от смеха, одновременно вспомнив ремесло какого-то московского остряка, который основательно поскреб буковки на дверце вагона, после чего надпись «Не прислоняться!» стала выглядеть так: «Не слон я!» Рядом, вместо всем известного объявления «Места для детей и инвалидов», значилась остерегающая информация: «Есть детей и инвалидов».

Даже об этих веселых, беззаботных эпизодах думать тягостно до слез. Неужели у нее теперь глаза будут всегда на мокром месте, всегда будет сжиматься сердце при мало-малейшем воспоминании об их с Михаилом жизни? Неужели и впрямь все это ушло в невозвратное прошлое, которое с каждым днем будет все больше отдаляться от Алены, покрываться серой пылью забвения? И не сдуть этой пыли, не вернуть ничего из того счастливейшего, блаженнейшего времени, которое...

И вдруг Алена, резко, словно от невыносимой боли, повернув голову, увидела за стеклом соседнего вагона... Михаила! Михаила, в черном пальто и черной прибалтийской фуражке с высокой тульей, делавшей его похожим на офицера вермахта из какого-то фильма про Вторую мировую. Он стоял спиной к Алене, чуть склонясь к молодой, ослепительно красивой блондинке с огромными голубыми глазами.

В первое мгновение у Алены потемнело в глазах, а потом так и ударило мыслью: «Так вот оно что! Не будь я так наивна, сразу могла бы догадаться, что я и мои недостатки вовсе ни при чем. Здесь непременно должна быть замешана какая-нибудь блондинка!»

В Болгарию он уехал. В Болгарию, надо же!

Что же теперь делать? Устроить сцену? Или, оставшись незамеченной, проследить за предателем? А если она потеряет эту парочку в толчее или, наоборот, окажется слишком близко и Михаил обнаружит слежку? Это Алена никогда ничего и никого не замечает, с головой погружаясь в собственные мысли, а Михаил-то – он все на свете видит! В это время поезд остановился, и пара вышла из вагона. Алена ринулась следом.

Видит? Вот и прекрасно. Сейчас ему будет на что посмотреть!

Алена рванулась вперед и, схватив под руку какого-то мужчину, шедшего на несколько шагов позади Михаила и блондинки, повлекла его вперед, с неестественным оживлением восклицая:

– Пошли скорей, дорогой! Опоздаем же. На такую вечеринку просто грех опаздывать!

Она повисла на руке незнакомца, кокетливо заглядывая ему в лицо, но не видя его, а только замечая боковым зрением, как обернулась на ее возглас сначала блондинка, а потом – лениво, неохотно – ее спутник.

И оказалось, что это никакой не Михаил.

Похож... нет, даже не особенно похож. Пальто похоже, да, а фуражка – один в один, но где были ее глаза, когда она вдруг решила...

Алена только коротко охнула, ощутив, будто в лицо ей плеснули горячим варом. Сердце заколотилось в горле, в ушах зашумело, и до слуха с трудом пробился спокойный, насмешливый голос:

– Девушка, вы меня ни с кем не перепутали?

Она беспомощно уставилась на мужчину, которого держала под руку, сначала отметив только ироническую, но совсем не сердитую улыбку, потом – лукавство в глубине прищуренных черных глаз.

– Перепутала... – выдохнула с трудом. Удалось промолчать и не добавить: «Только не вас!» – Извините, извините меня!

– Да ничего, сколько угодно, – отозвался он так галантно, что у Алены от благодарности едва слезы из глаз не брызнули.

Отвела взгляд, неловко перебросила из руки в руку сумочку. Руки дрожали – ну и уронила ее. Та отлетела под лавку, раскрылась, вывалились ключи, паспорт, косметичка, какие-то бумажки... Алена ринулась к сумке, начала поспешно подбирать вещи, благодаря бога, а может, и черта, ну неважно, кого-то из них, словом, того, кто так своевременно толкнул ее под локоток. И кошелек раскрылся, и монетки разлетелись, до чего удачно! А еще удачно, что случилось это как раз в то мгновение, когда около колонны, где упала сумка, образовался кратковременный вакуум: народ не валил валом, не оттапывал Алене ее дрожащие руки, которыми она неуклюже собирает свое барахлишко... Она заталкивала вещи в сумочку как попало, мысленно молясь: «Ну уйди, уйди, пожалуйста! Будь человеком! Ну что тебе стоит!»

Подняла голову и обнаружила, что молитвы дошли по назначению: черноглазый незнакомец растворился в толпе.

Господи, да неужели и среди москвичей бывают нормальные люди!

Алена на всякий случай огляделась, но черноглазого и впрямь нигде не было. Очевидно, смекнул, что налицо явное недоразумение, и решил не смущать растрепанную растяпу. Она перекинула сумку через плечо и двинулась к эскалатору, от усталости и облегчения не заметив двух немаловажных деталей.

Во-первых, одна бумажка, вылетевшая из ее сумки, упала не под лавку, а на нее. И какой-то человек в кожаной, короткой, слишком легкой для зимы куртке схватил ее, стараясь при этом не отставать от Алены.

Ступил на эскалатор, зафиксировал глазами фигуру в сером полушубке на несколько ступенек выше, потом развернул найденную бумажку – и невольная улыбка поползла по его тонким губам с отчетливой герпесной болячкой в углу рта.

Под грифом «*Клуб работников Нижегородского дома связи*» и надписью «*Пропуск № 3*» была приклеена фотография и значилось:

«ФИО – Ярушкина Елена Дмитриевна.

Кружок: бальные танцы.

Руководитель: Перлов В.М.

Дни занятий: среда, четверг, суббота с 17 до 21 часа».

Человек в кожанке даже головой покачал от облегчения. Находка была таким подарком судьбы, о каком он и мечтать бы не посмел. Теперь не надо мотаться по всей Москве за этой сукой, которая уже один раз ускользнула от него. Чистая случайность, что он опять нашел ее

благодаря устроенной ею шумихе в метро! Теперь можно спокойно возвратиться в Нижний и прищучить ее там, тихо, аккуратно и красиво. Ему претило ткнуть ее шилом в бок в толкотне. Он хотел насладиться местью. За то, что сделала эта поганая баба, она заслуживает такого... такого...

Он постарался успокоиться. Теперь у него есть время и возможность все хорошенько обдумать и спланировать.

Если б Алена обернулась, она узнала бы человека в черной куртке. Потому что это он смотрел на нее через окно «Макдоналдса».

А впрочем, даже если бы она обернулась, вряд ли узнала бы его. У нее вообще была слабая память на лица, особенно виденные мельком. И даже вспомни она это настороженное, угрюмое лицо, все равно не заподозрила бы неладное. Она ведь не знала и не могла знать, что ей уже подписан смертный приговор, который не подлежал обжалованию и должен быть приведен в исполнение в самое ближайшее время.

Чем скорей, тем лучше!

***

Из протоколов по делу Царегородского Н. Н., Щербака В. И., Савельева А. П., Счастливецова В. К. и других (дело № 348).

Распечатка переговоров, снятых с пейджинговой связи «Радуга-Поиск».

Принято 12 декабря 1999 г. в 16 час. 34 мин.

– «Радуга-Поиск», 18-я, слушаю вас.

– Для абонента 2907, будьте добры.

– 2919, пожалуйста.

– Встречайте гостей 16-го. Обеспечьте радушный прием.

– Все? Подпись будет?

– Подпись – Саня. Все, спасибо.

– Всего доброго, «Радуга-Поиск», 18-я.

Принято 13 декабря 1999 г. в 04 час. 20 мин.

– «Радуга-Поиск», 41-я, здравствуйте.

– Здравствуйте. Для 9681. Гостей встретили, все довольны. Отвезли их на дачу. Львов.

– Львов... Принято. Это все?

– Да. Все.

Принято 15 декабря 1999 г. в 12 час. 30 мин.

– Для 2907. Парная готова. Срочно приезжай. Если можно, привези два веника. Сам.

Принято 16 декабря 1999 г. в 06 час. 07 мин.

– Примите сообщение для номера 9681. Попарились, все путем. К сожалению, веник был только один. Второй пообещали, но подвели. Но ты не сердись: в следующий раз будет все путем, оттянемся как надо. Лев.

Принято 18 декабря 1999 г. в 13 час. 57 мин.

– Номеру 2907. Товара столько, что одним ящиком не обойдешься. На даче просили привезти побольше, там у них простой. Постарайся, понял? Федор.

Принято 19 декабря 1999 г. в 07 час. 01 мин.

– Сообщение для номера 9681. На даче все довольны, мы постарались. Младший.

Из заключения судебно-психологической экспертизы по делу Царегородского Н. Н., Щербака В. И., Савельева А. П., Счастливецова В. К. и других (дело № 348).

«...С большой долей уверенности можно утверждать, что данные и все прочие приведенные в материалах дела сообщения, полученные абонентами пейджинговой компании «Радуга-Поиск» № 2907 и 9681 с 12 декабря 1999 г. по 18 февраля 2000 г., содержат признаки диалога. К ним относятся и одинаковые темы диалога: «приезд гостей», «отдых на даче», «парная»; использование языка кодирования, понятного участникам диалога; эпизоды диалога, повторяющиеся по смысловым, речевым и временным параметрам, обмен информацией в краткие промежутки времени.

Экспертиза с большой степенью вероятности определяет, что, с одной стороны, автором сообщений, подписанных как Саня, Сам, Федор, номер 9681, является Царегородский, а подписанных как Львов, Лев, Младший, номер 2907, – Щербак».

***

- Спорим, я знаю, о чем ты думаешь?
- А ну?
- Нет, спорим?
- Ладно, на что?
- Н-ну... не знаю. На поцелуй.
- Давай!
- Да погоди! Ты же еще не проспорил!
- Ну, это я так, авансом. А потом еще раз. Ну хорошо, а кто будет разбивать?
- Я.
- Не считается.
- Тогда ты.
- Не считается.
- Тогда вместе.
- О! Начинаем. На счет «три». Раз... два... три!..
- Погоди!!! Ты сказал, будем разбивать, а сам целуешься!
- Да ты что?! Ну надо же, ай-яй-яй! Я перепутал.
- Ладно, я тебе без спора скажу, о чем ты думаешь.
- Слушаю. Ну? Что молчишь?
- Отвернись.
- Почему?!
- Ну трудно тебе, что ли?
- Трудно. Мне хочется смотреть на тебя все время. Не отрываясь. Всегда.
- А мне на тебя.
- Тогда говори.
- Хо-ро-шо... Я думала... то есть, мне кажется, ты думал... ты думал, что никогда и ни у кого не было так, как у нас, правда?
- Да. Это правда.
- Что?

- Все. Что я так думал. И что в самом деле ни у кого никогда ничего подобного не было.
- А может, так кажется всем влюбленным?
- Может быть. Но им кажется, а у нас... так и есть. Я знаю точно.
- Я тоже это знаю. Когда мы вместе, мы будто идем между двумя пропастями. Помнишь, как в той книжке про Марокко? Перевал Ребро Шайтана, слева пропасть четыре километра, справа такая же. А на самом перевале едва могут разъехаться два автомобиля. И иногда по утрам люди видят внизу меж острых камней обломки автомобиля, который рухнул туда ночью.
- А иногда, в сезон дождей, никто ничего не успевает увидеть, потому что их уносят горные реки, которые мчатся со страшной скоростью...
- Вот именно.
- Значит, наша любовь вызывает у тебя такие жуткие ассоциации? Кошмар! Кошмар, слушай... А, я знаю, в чем дело! Эта кровать слишком узкая, ты боишься, что мы с нее свалимся! Клянусь, к нашей свадьбе я куплю другую кровать.
- С тобой невозможно говорить серьезно!
- Невозможно. И не нужно! Ты бы лучше серьезно поговорила со своим отцом. Ты ему уже сказала о нас?
- Нет.
- По-нят-но. Я так и знал.
- Не обижайся. Я почти решила, но... просто не получилось.
- Ага. Кто хочет – ищет возможности. Кто не хочет – ищет причины.
- Я серьезно, не получилось. У него там какие-то проблемы, без конца телефонные переговоры с этим Царегородским, причем он дико злится, когда кто-то в это время входит в комнату.
- А кто такой Царегородский?
- Какой-то его давний приятель, я его не выношу. Они раньше вместе работали в «Нефтегазпроме», потом ушел Царегородский, ну и отец тоже ушел. Долгие годы не виделись, потом вдруг встретились – и снова задружили. Какие-то у них общие дела появились. По-моему, отец ему был совершенно не нужен, когда у него были неприятности, когда он сидел без денег. А сейчас, когда дела в гору пошли, Царегородский к нему в друзья набивается. Отец бывает доверчивый, как дитяtko, честное слово.
- Ну так скажи ему, что тебе этот Царегородский не нравится.
- Предполагается, что я ничего об этом общении не знаю. Ага, скажи ему. Он так взорвется, а потом будет себя поедом есть, что меня разволновал. Он думает, теперь мне вообще нельзя ни дышать, ни думать, совсем ничего. Ляг и лежи в постели.
- Одна.
- Конечно, одна! Знал бы он, чем мы тут с тобой занимаемся! Я поэтому и боюсь ему сказать. Может, подождем, а? Вот пройду новое обследование, вот скажут, что я уже практически здорова, тогда и...
- А если не скажут? Если будут на новой операции настаивать?
- Ой, нет! Хватит с меня. Я же знаю, что у меня все хорошо, все отлично!
- Ч-черт... по-хорошему, мне бы надо держаться от тебя подальше...
- Только попробуй. Слышишь? Только попробуй держаться от меня подальше. Придвинься, ну пожалуйста. Вот так. Обними меня. Да, да, да... Уж если умирать, то от любви, правда? Или во время любви. Представляешь, как это будет классно?
- Ладно. Если ты так хочешь... Только одно условие: вместе со мной!
- А с кем же еще?!

***

Алена швырнула сумку прямо на пол, скинула шубку, стащила сапоги и рухнула на полку. Этот нескончаемый день изнурил ее до такой степени, что притупилась даже боль. Сейчас она хотела только одного: лечь спать. Пусть утром снова вернутся страдания и убийственные мысли, но сейчас она едва жива именно от усталости, а не от горя. Это был как раз тот самый случай, о котором великий поэт сказал: «Я ищу свободы и покоя, я б хотел забыться и заснуть». Черт с ней, со свободой, но покоя, покоя жаждало все ее существо. Однако прежде, чем она его обретет, надо дождаться отправления поезда. Только тогда проводница откроет туалет и Алена сможет умыться и почистить зубы. Ну и сделать все остальные необходимые делишки. А потом разденется, вытянется на чистом, приятно пахнущем, накрахмаленном белье (все-таки не зря за место в СВ берут такие кошмарные деньги!) и хоть на несколько часов избавится от ужасной реальности.

Надо надеяться, немногочисленные пассажиры (насколько успела заметить Алена, заняты, кроме ее, были только два купе) не станут буйствовать в праздничную полночь. О господи, как хочется спать, спать, спать!

Поезд тронулся так мягко, что Алена даже не сразу заметила это. Она посмотрела на пустую полку напротив той, на которой лежала, и слабо улыбнулась. Учись быть благодарной судьбе хотя бы за маленькие радости. Вот нету у тебя попутчика – и слава богу. Теперь все, поезд пошел, никто больше не появится в купе.

Дверь открылась, вошла проводница.

– Билетик давайте, и за постельку. Чаю вам принести? Или шампанского желаете?

– Нет, спасибо. Я... мне как-то не до празднований, спать очень хочется. Туалет уже открыт?

– Вот еще в соседнем купе билеты проверю, и все, сразу открою. А в остальных никого нет, я их сейчас запру, чтоб не шлялись кто не надо. Сдачу возьмите. Спокойной ночи вам, с Новым годом.

– Спасибо. И вам того же.

Ни с того ни с сего Алена вспомнила мужа одной своей подруги, который в ответ на приветствие или поздравление приговаривал: «И вам по тому же месту!» Интересно, какими бы глазами уставилась на нее проводница, ответь она так? «Спокойной ночи, с Новым годом!» – «И вам по тому же месту!»

Похоже, сегодняшний день немало поспособствовал тому, чтобы у детективщицы Алены Дмитриевой (в миру Ярушкиной) основательно съехала крыша...

Она выждала указанные две минуты, взяла полотенце, купленную на вокзале зубную пасту (утром, само собой разумеется, она ее благополучно забыла дома) и пошла в туалет. Вода в кране была теплая, почти горячая, и когда Алена умывалась, ее окончательно развезло. Отчаянно зевая и с трудом удерживаясь на ногах, дошла до своего купе, потянула в сторону дверь – и тотчас отпрянула: между полками стоял, снимая длинное черное пальто, какой-то мужчина.

Перепутала номер, что ли? Нет, пятое купе, потому что у Алены десятое место. Наверное, этот дядька ошибся! Снова открыла дверь и вошла со словами:

– Добрый вечер! А вы случайно купе не перепутали?

Он уставился на нее, держа в охапке пальто. Растерянно моргнул очень черными глазами, которые показались Алене просто-таки огромными из-за окруживших их теней, и тут же изумление сменилось в них откровенной неприязнью:

– Опять вы? Каким образом? Что это значит?!

Ее качнуло. И вовсе не потому, что качнулся вагон! Откуда он свалился на ее голову? И тотчас ее качнуло снова. И опять движение поезда было тут ни при чем. Просто до Алены дошло, что перед ней стоит тот самый деликатный незнакомец, к которому она совсем недавно прицепилась в метро!

И тотчас она поняла, почему такие мрачные у него глаза, почему он смотрит так неприязненно. Небось решил, что Алена преследует его!

– Это случайность! – выпалила она, ощутив, как загорелись щеки. – Я тут еду, в этом купе, я первая сюда зашла, я представления не имела, что... Это совпадение, вы не думайте!

– Да у меня и в мыслях нет ничего такого... – буркнул незнакомец, отводя глаза с таким выражением, что и слепому стало бы ясно: было, было у него в мыслях! Были самые непристойные подозрения!

– Вот и хорошо, – проворчала Алена, протискиваясь мимо него к своей полке и с оскорбленным видом плюхаясь на нее. – Вообще-то я надеялась, что поеду одна. Вы откуда взялись после отправления поезда?

– Чуть не опоздал, вскочил в последний вагон. Пока добрался сюда...

– Понятно, – с точно таким же мрачным видом, какой был у попутчика, кивнула Алена. – А может, вы доберетесь до другого купе? Тут полвагона свободно.

Он разочарованно покачал головой:

– Свободно-то свободно, но проводница мне доходчиво объяснила, что все купе заперла, дабы избавить себя от лишних хлопот.

– Ну дайте ей взятку, подумаешь, большое дело! – фыркнула Алена.

– А зачем? – высоко взлетели брови над черными глазами.

– Как так – зачем? Вы что, не хотите ехать в отдельном купе?

– Да мне как-то без особой разницы, – пожал он плечами. – А почему вы так мечтаете от меня избавиться? Вроде бы в метро я не был вам столь противен. Что же изменилось теперь? Я не храплю, просплю, как сурок, на правом боку всю ночь. Приставать к вам не стану, разве что очень попросите...

Если был более верный способ вогнать Алену в краску, то его следовало еще поискать. Она даже зажмурилась от злости. И его, этого развязного шутника, она еще считала деликатным! Почему все красивые мужики такие самонадеянные? Думает, если бог наделил его необыкновенными черными глазами, то заодно позволил оскорблять женщин?

– Я вам уже объяснила, что в метро произошло недоразумение, – выдохнула она уже на пределе сдержанности. – Понятно? Не-до-ра-зу-ме-ние! А что касается моего стремления к одиночеству, то я элементарно хочу спать и не имею никакой охоты общаться с кем бы то ни было.

– В новогоднюю ночь? – Он покачал головой. – Ну надо же, я думал оказаться оригинальным в своем желании встретить Новый год в горизонтальном положении. А оказывается, нас двое таких – сонных мизантропов. Так что успокойтесь, я вам не помешаю спать. Буду вести себя тихо, как мышка. Можем уже прямо сейчас пожелать друг другу спокойной ночи, если вам угодно. А утром я выйду в Дзержинске. Вы, скорей всего, в это время будете еще спать. Таким образом, в вашей жизни я не задержусь.

– Отлично, – кивнула Алена с самым неприветливым видом. – Тогда спокойной ночи. Может, вы выйдете, пока я переоденусь?

– Спокойной ночи. Приятных снов.

Он послушно вышел из купе.

Все еще дергаясь от возмущения, Алена стащила с себя свитер и юбку. Разве что пойти покачать права к проводнице или в самом деле дать ей денежку? Ой, неохота, сил нет. Ладно, пусть этот черноглазый располагается в ее купе. Тем паче, что тоже хочет спать и не будет

буйствовать ночью. Вот же черт, она надеялась раздеться толком, а сейчас придется спать в халате. У нее ведь ни комбинации, ни лифчика, футболку захватить из дому, конечно, забыла. Еще раскроется, а он подумает...

Да пошел он со своими предположениями в сад! Дело вовсе не в них, а в ее собственной неловкости. Слишком уж она подвержена условностям, черт бы их брал!

Сделав уступку этим самым условностям, Алена надела халат, но колготки все же сняла. Надоели они ей до смерти. А в купе тепло.

Легла на бок, лицом к стене, закрыла глаза – и вдруг ощутила, что сонливость, которая донимала ее, как хронический насморк, куда-то подевалась. То есть сна не было ни в одном зажмуренном глазу. Московская предпраздничная толпа мельтешила перед закрытыми глазами, а в мозгу начали вновь оживать картины ее сегодняшних мучений. Вспыхнули плазменным огнем (куда там каким-то слабо тлевшим «Мене, текел, фарес!») строчки письма Михаила, потом снова забились мысли об инсулине, тазепаме, красавке и всем прочем, о чем она размышляла сегодня с таким мазохистским упоением.

И ужалило ужасом: неужто в самом деле придется умереть?! Но кому, кому от этого станет хуже? Михаилу? Очень сомнительно, если судить по тону его письма – расчетливо-убийственному. Скорей всего, он прекрасно отдавал себе отчет в том, какое впечатление его письмо произведет на жену, а значит, ему глубоко плевать на то, что с ней произойдет. И даже если он придет, выражаясь словами поэта, слезу сронить над ранней урной, Алена-то все равно об этом никогда не узнает! Что-то плохо верится ей в постзагробное существование. И тем хуже, если оно все же имеет место быть. Каково ей будет после смерти узнать о полном равнодушии Михаила к ее кончине. А если он вдруг впадет в отчаяние от раскаяния, это тем более огорчит ее там, на том свете. Так что куда ни кинь, все клин.

Как он мог, как мог?! Ведь любил ее, правда любил, и где теперь эта любовь? Из тьмы пришла и во тьму канула. Улетела...

Она так глубоко задумалась, что чуть не вскрикнула, расслышав за спиной осторожное шуршание. Черт, совершенно забыла о попутчике. Вот ведь противный тип. Обещал, что будет вести себя тихо, как мышка, а сам шуршит. Хотя, с другой стороны, мышки-то как раз обожают шуршать...

Эх, нет на него кошки! Алена вдруг представила, как отреагирует попутчик, если она ни с того ни с сего замяукает, – и с трудом подавила истерический смешок. Строго говоря, эта бредовая мысль сама по себе являлась не чем иным, как порождением истерического состояния, в котором она пребывала весь вечер. Нервы были не просто натянуты – они дрожали от напряжения, и поэтому она вскочила с криком ужаса, когда за спиной вдруг раздался громкий хлопок, а потом на нее хлынула какая-то холодная, шипящая жидкость.

Обернулась, в первую минуту ничего не видя от ужаса, тряся мокрыми волосами, с которых летели капли, потом вдруг зрение вернулось, и она увидела напротив своего случайного знакомого из метро (он же – нежеланный попутчик), который сжимал в руках... бутылку шампанского. Пена, окатившая Алену, все еще лезла из горлышка.

– Господи! – растерянно сказал попутчик. – Извините! Я и предположить не мог... Из чего это сделано, интересно?! Не бутылка, а огнетушитель какой-то!

В купе было почти темно – горела только лампочка в изголовье его полки, однако глаза Алены – видимо, от ярости – обрели особую зоркость, и она разглядела, что лицо его выражает не столько растерянность, сколько плохо скрытую насмешку. И глаза... глаза его просто-таки искрились смехом!

Она сначала хотела обрушить на него всю силу своего возмущения, но ярость в одно мгновение исчезла – лопнула, как мыльный пузырек, и Алена ощутила странную пустоту. Этот тип ведет себя так безобразно не из озорства, не по оплошности. А потому, что понял: мужняя жена не станет проводить новогоднюю ночь в поезде. За попутчицу некому заступиться, она

одинок, а значит, с ней можно вести себя с какой угодно степенью хамства. Что он и делает вполне успешно. Некоторым мужикам свойственна совершенно бесовская пронизательность в отношении женщин, они мгновенно просекают «брошенок» и не церемонятся с ними, унижают, как могут, уверенные в безнаказанности и получая наслаждение от собственной жестокости.

И так будет теперь всегда, потому что судьба Алены – одиночество. Ведь она любила Михаила, она хранила ему верность, она не видела рядом с собой никого другого, даже подумать об этом другом не могла. И если она все-таки выживет, то как же будет жить? Ее пугает не отсутствие мужчины в ее постели, а отсутствие человека, которому можно пожаловаться, поплакаться, от которого ждешь сочувствия и добра. Никто не обнимет, не прижмет, не погладит по голове, не скажет нежно: «Радость моя, счастье мое, ну успокойся, я с тобой. Я тебя никому не отдам!» Даже такая сильная, независимая женщина, какой всегда считала себя Алена, которая вроде бы очень ценит свое одиночество (для ее работы необходима сосредоточенность), мечтает быть слабой, зависимой, мечтает *принадлежать* мужчине и чувствует себя несчастной, брошенной собачонкой, когда...

– Пожалуйста, пожалуйста, не плачьте! – долетел до Алены молящий голос. – Говорю же, я нечаянно, я не хотел ничего такого!..

Это попутчик ее утешает. Почему он решил, что она плачет? У нее и в мыслях не было. А если его лицо расплывается перед ее взором, то лишь потому, что на ресницы попало это дурацкое шампанское! А трясет ее только оттого, что, как ни тепло в купе, все равно зябко в намокшем халате.

– Да успокойтесь же! – Попутчик оказался рядом, обнял Алену за плечи, встряхнул. – Успокойтесь. Неужели я вас так напугал? Но я и предположить не мог такого взрыва восторга у этой бутылки. Наверное, перегрелось шампанское. Понимаете, я так же, как и вы, хотел спать и только спать, знал, что непременно просплю новогоднюю полночь, а без стереотипного шампанского пересечь рубеж двух лет все же не хватило духу. Будто бы какой-то священный обряд остался не исполненным. Ну, думаю, выпью сейчас тихонько, а потом спать лягу. И тут вдруг... Нет, это кошмар какой-то! Если хотите знать, я испугался чуть ли не сильнее, чем вы. Ну успокойтесь, ну не сердитесь на меня!

Да не сердилась она на него, не на него она сердилась, но разве ему это объяснишь? Этот черноглазый – не более чем орудие ее злой судьбы. Этакая насмешка над ее горем. Но если он говорит правду, если и впрямь не хотел ее обидеть, то довольно глупо напрягать его своими истерическими слезами.

Алена глубоко вздохнула раз и другой, пытаясь совладать с голосом.

– Ладно, я не сержусь, – выдавила наконец. – Все нормально, это я просто от неожиданности испугалась. Ну, что же вы сидите? Если открыли шампанское, его надо выпить, правда? Так пейте.

– Я бы с удовольствием, – уныло проговорил он. – Да еще и вас попросил бы компанию составить. Но понимаете, какая штука, бутылка практически пуста. – И в доказательство своих слов он потряс перед Аленой темной тяжелой бутылкой с остатками фольги на горлышке. – Все вылилось на вас. И на вашу постель. Разве вы не чувствуете запаха?

Никакого запаха она не чувствовала, потому что нос заложило после слез. Покачала головой.

– Ну а я чувствую, – сказал попутчик. – Запах очень приятный, судя по всему, шампанское заслужило свою цену. А на вкус... извините, мне очень хочется знать, какое оно было на вкус. – И в следующее мгновение Алена почувствовала прикосновение его губ к своей шее.

От изумления она даже не сразу сообразила возмутиться. Сидела как пришитая, в то время как губы попутчика сползли от ее уха к плечу и уткнулись в ямку над ключицей. Он бесцеремонно лизнул ямку и тихонько причмокнул:

– Господи, как вкусно. Жаль, что вы не можете себя полизать. В самом деле, великолепное шампанское! Все, что я могу вам предложить... – Он лизнул другую ключицу, а потом, пробормотав: «Попробуйте, какое оно вкусное!» – припал к губам Алены. И она находилась в таком ошеломлении, в таком смятении духа, что (круглая идиотка!) не нашла ничего лучше, чем быстро, словно боясь опоздать, ответно облизать его губы!

***

Что Володя умел, так это отыскивать среди людей себе подобных. Он как будто видел некое тавро, которым еще при рождении метили человека, способного преступить устои общества. Причем не только преступить устои, но и как бы взять с общества некий налог. За что? Да за что угодно. За то, что родился у небогатых родителей (родителей, как известно, не выбирают, но кто сказал, что их непременно надо любить?), что не повезло выиграть крупную сумму в казино, в «Русском лото», в игральном автомате, что не успел прибрать к рукам какую-нибудь собственность разваливающейся страны... что рылом не вышел, в конце концов!.. Причина годилась любая – для тех, кому надо непременно объяснять свои проступки, подвести под них, так сказать, теоретическую базу. Даже удивительно, сколь многому количеству народа надо непременно себя оправдать – хотя бы перед самим собой; доказать, что имею, имею я право пойти и стукнуть топором по башке ближнего своего! Отомстить ему!

За что? Да хотя бы за то, что у него зарплата больше и чин выше.

Кто ставит на лоб человеку эту незримую метку? Да уж, наверное, не ангел-хранитель! Кто наделил Володю умением эту метку различать? Да уж, наверное, не святые небесные силы. Но когда, проходя через турникет на станции «Московский вокзал», он бросил случайный взгляд на милиционера охраны – совершенно обыкновенного, серолицего, угрюмого мента! – егошибануло таким зарядом ненависти, что Володя даже споткнулся. Да этот человек весь испещрен теми незримыми метками! В его готовности убить можно было не сомневаться.

Володя отошел в сторонку и принялся исподтишка наблюдать за милиционером. Как бы он ни выпендривался перед Ольгой и ее двоюродной сестрицей, делая вид, что готов на все и все умеет, сам про себя он знал, что вполне может сдрейфить в ту решающую минуту, когда надо будет отнять у человека самую драгоценную его собственность – жизнь. А этот мужик – не сдрейфит. Просто насмешка судьбы, что он носит форму тех, кто обязан людей охранять!

Потом, когда они уже закореслились, Сайков признался, что, когда Володя проходил мимо, его как будто шилом в бок ткнули. Именно поэтому он не окрысился, не отвернулся, не начал материться, а спокойно выслушал незнакомого человека, который, дождавшись, когда в вестибюле станции стало поменьше народу и милиционер направился к выходу – покурить, вдруг загородил ему дорогу и негромко спросил: «Заработать хочешь?»

Они оба думали одинаково, в одном направлении. Они как поделщики просто идеально подходили друг другу! Они сразу просекли, сколько возможностей таится в предложении Ольгиной сестры! Ведь тот мужик, которого им надлежало завалить, владел отличной тачкой. Ольгина сестра сказала, что провела, так сказать, скрытый маркетинг. Самым ходовым товаром оставались импортные автомобили с малым пробегом, в хорошем состоянии. Но не по рыночной цене, конечно... «Чебуреки», медленно, но верно прибиравшие к рукам продовольственные рынки приволжских городов, готовы были платить за престижные левые тачки не торгуясь. Конечно, дела делать надо было вдумчиво и осторожно: машины, украденные, к примеру, в Кирове или Казани, перегонялись в Нижний и там продавались. Ну и наоборот. Включиться в этот бизнес ничего не стоило. Особенно если занимаешься такими делами от случая к случаю, не светясь перед братками, лихорадочно делившими эту сферу деятельности. Пришел, хапнул, скрылся на некоторое время... Кончилось заработанное – опять взялся за дело.

Продумали во всех подробностях план. Но им нужна была машина – все равно какая. Чем проще, тем лучше.

Сайков раздобыл милицейский жезл, наручники, металлический трос. Сначала хотел достать еще один комплект формы, чтобы Володя тоже был одет как милиционер, но потом подумали, что делать этого не стоит. Ведь они могли и сами нарваться на проверку, всякое в жизни бывает, и если обнаружат фальшивое удостоверение... Ни к чему это.

...До места они доехали на автобусе. Разумеется, Сайков тоже был в гражданском, а форму вез в сумке. Вышли там, где дорога поворачивала с Семеновской трассы на Линду. Сайков переоделся. И они стали ждать.

В принципе они знали, что им нужно, и, когда на трассе показался «ВАЗ-21063» сероголубого цвета, Сайков взмахнул жезлом и велел водителю свернуть на обочину.

Проверили документы. Рыжего мужичка звали Гуров Алексей Константинович. У него была большеротая конопатая физиономия, которая расплылась в ухмылке, когда Сайков сообщил, что по всем признакам эта машина числится как угнанная.

Володя открыл дверцу и заглянул внутрь.

– Точно, подходит под описание вплоть до цвета чехлов! – крикнул возбужденно.

Гуров все еще пытался убедить их в ошибке.

– Да чего ты злобствуешь? – примирительно спросил Сайков. – Доедем до Семенова, до автоинспекции, там все и выяснится. Тебе же все равно в ту сторону.

– Мне до Тарасихи только, – заикнулся было Гуров, но Сайков покачал головой:

– Удивляюсь! Охота, чтобы к тебе на каждом посту цеплялись? Раз попал в такую историю, надо все выяснить толком. Доедем до Семенова, говорю я. Только извини, браток, за руль сядет наш товарищ. А ты – рядышком, как и положено водителю, когда автомобилем управляет кто-то другой. А я – на заднее сиденье.

Гуров еще ругался, ворчал, но понял, что делать нечего. Разместились в машине, проехали полкилометра, и тут Володя резко свернул на заранее облюбованную проселочную дорогу.

– Куда? – растерянно обернулся к нему Гуров, и в эту минуту Сайков набросил ему на шею тросик-удавку. Володя мгновенно заглушил двигатель и вцепился в руки Гурову, которыми тот пытался сбросить петлю.

...Потом они проверили, что обрели для начала. Кроме автомобиля, это было золотое кольцо-печатка, пять тысяч рублей, часы наручные «Сейко» (китайского производства), новенькая барсетка. На Гурове была отличная кожаная куртка, недурные джинсы и совершенно новые итальянские туфли. Неплохая выдача! Как ни горели глаза у Сайкова на куртец, вещи решили продать.

Тут же поменяли номера на автомобиле, сложили труп Гурова в багажник и повезли по Зиньковской трассе в направлении Городца, где в лесопосадках уже была заранее приготовлена яма, чтобы зарыть мертвого.

Ехали, приходили в себя и думали: хорошее начало полдела откачало!

Теперь у них был опыт. Теперь они набили руку. Теперь можно приступать к исполнению заказа Ольгиной сестрицы.

Володя аккуратно отложил в сторону исписанный листок и глотнул пива из бутылки. Он не привык писать, устали и пальцы, и мысли.

Не хотелось бы что-нибудь забыть!

Он взял чистый листок и принялся выстраивать на нем в столбик имена и фамилии. Значит, первым был Гуров. Потом этот мужик, Ольгин родственник с его любовницей. Они получили подержанную «Ауди», которая казалась им верхом шика, пока следующим они не взяли в оборот Царапкина с его джипом «Ниссан Террано» рыночной стоимостью 40 тысяч долларов.

Техника уже была отработана: машину останавливают на укромной улице, проверяют документы, огорошивают водилу известием, что тачка значится как угнанная... Ну и так далее.

Начиная со второго убийства, к ним подключился Басаврюк. Его привел Серега Сайков – поручился головой! Володя с одного взгляда определил, что парень – годится. У него был один только недостаток – внешность. Слишком уж точеный красавчик! Правда, за видимой мягкостью крылась абсолютная беспощадность человека, начисто лишённого воображения и совершенно не способного представить себе боль и муки жертв. Володе-то и даже самому Сайкову все-таки приходилось что-то в себе давить, через что-то переступить... Конечно, и здесь срабатывало старинное правило: первая колом, вторая соколом, прочие – мелкими птичками. А у Басаврюка наличествовала полная пустота в голове и душе! Может, у него и души-то не было... Для него было все едино: человека убить, водки выпить, бабу трахнуть... Эта тварь, Ольгина сестра, на него поначалу страшно запала. Потом появился еще один... старый знакомый. Школьный, можно сказать, товарищ!

При мысли об этом человеке Володя ощутил такую боль, что впился ногтями в ладони.

Посмотрел на список убитых и тихо, хрипло захохотал.

Кому сказать... Кому только сказать!

Он пишет это признание не оттого, что мертвые, скорбные глаза неустанно прожигают его память. Не оттого, что ему слышатся хрипы удушенных. Не оттого...

Он пишет это письмо лишь потому, что больше не может жить с сознанием, что ему изменила жена.

***

Заведующей в архиве областного суда была маленькая, пухленькая дамочка лет за семьдесят, которую язык не поворачивался назвать старушкой, настолько она была приятенькая, славенькая, ухоженная, с небрежными кокетливыми кудряшками и голубенькими, пусть и малость выцветшими, глазками. Голосок у нее певучий-певучий, нежный-нежный, манеры мягкие и вкрадчивые, и легко можно представить себе, сколько молодых и немолодых судей, адвокатов и прокуроров за последние сорок-пятьдесят лет искали повода за делом и без дела войти в канцелярию, чтобы полюбоваться Шурочкой... Только с усилием можно было назвать эту прелесть Александрой Федоровной!

Шурочка отнеслась к появлению «знаменитой писательницы» с величайшим пиететом, не знала, куда ее посадить и чем ей услужить, только бы поскорее увидеть на книжном прилавке детектив, написанный при ее, Шурочкиной, непосредственной помощи. Алена же отродясь не страдала звездной болезнью, к своей негромкой славе относилась не без юмора и вообще считала свои книжки не столько явлением литературы, сколько средством заработать на жизнь. Поэтому она была безмерно благодарна Шурочке за заботливость. Их отношения чуть ли не с первой минуты сделались такими нежно-дружескими, результатом чего стало мгновенное, словно по мановению волшебной палочки, извлечение из архивных бездн нескольких наиболее интересных, с точки зрения Шурочки, дел.

Бегло просмотрев гору папок и прекрасно понимая, что никто не обнимет необъятное, Алена для начала оставила себе два дела: о хищении нефтепродуктов непосредственно из нефтепровода, имевшем место в конце 1999-го – начале 2000 года, и огромное дело о банде, промышлявшей угоном иномарок. Эта история тоже была вполне свежая и датировалась 1999–2001 годами.

В архиве Алена в первый раз появилась еще в декабре прошлого года, но после получения письма от Михаила простилась с надеждой прийти туда снова и закончить не только сбор материалов для детектива, но и самый детектив. Помирать собралась, однако, как сказал бы Дерсу Узала! Но поскольку судьба не оставила ей выбора, вынудив ожидать приезда мужа из

Болгарии, чтобы принять окончательное решение: жить или умереть, – Алена решила продолжать работу в архиве: хотя бы просто для того, чтобы занять время.

Сюжет будущего романа сложился в ее голове после растиражированной во всех СМИ истории о краже иномарки у знаменитого писателя-юмориста. И его самого, и его квакающий, жвачный голос Алена ненавидела люто, беде его только порадовалась и пожелала ему никогда не встретиться с похищенной машиной. Больше всего ее вдохновило, что у Змеежабы (так она про себя называла это жуткое и злобное создание природы) бесследно пропала записная книжка с заготовками новых юморесок... или как они там называются? Надо надеяться, человечество будет избавлено от новых порций сардонического яда!

Но благодаря этому случаю ей представилась такая история. Некое агентство занимается возвращением похищенных автомобилей. Милиция опускает руки, а эти ребята словно бы на три версты под землей видят. Причем рекламируют они себя, подбрасывая листовки в почтовые ящики тех, у кого машина недавно угнана. В конце романа должно было выясниться, что эти лихие люди сами же и угоняли машины – чтобы потом их вернуть за немалую мзду. Один из таких автомобилей был похищен лишь ради того, чтобы замаскировать кражу кейса у героя романа. В кейсе лежало письмо, которое он только что получил и еще не успел прочесть. Это спасло ему жизнь. А вот человек, который ему это письмо отправил, был убит. В письме содержалось...

Придумать, что именно там содержалось, Алене еще только предстояло. Так же, как и увязать все концы с концами. Пока в голове ее не сложились ни интрига, ни сюжет, а так – болталось нечто бесформенное, с торчащими туда и сюда ниточками, которые предстояло связать, запутать должным образом, а потом снова распутать. Это запутывание с одновременным распутыванием и есть, собственно говоря, написание детектива. Вообще сюжет мог получиться интересным. Главное, чтобы там не было горы немотивированных трупов, какими иной раз изобилуют женские – особенно почему-то именно женские! – детективы... И вот только-только Алена начала представлять себе, что и как сложится в романчике, как в ее жизни грянул гром, и она надолго утратила способность мыслить логически. К тому же теперь прежний замысел казался ей совсем неинтересным. Захотелось другого...

Свято веруя в магию творчества – любого творчества, даже столь незначительного, как собственное, – Алена отказалась от прежнего замысла и решила написать историю о писательнице, о детективщице, от которой уходит муж. Она попытается развеять тоску работой в архиве областного суда. Изучая какое-то дело – да вот хотя бы о хищении нефтепродуктов непосредственно из нефтепровода! – она натолкнется на некий факт, не замеченный милицией при расследовании, и выяснит, что один из главных виновников преступления остался на свободе. Героиня Алениного романа будет особа тщеславная. Давая интервью местной прессе, она не сможет промолчать и разболтает о своих шерлок-холмсовских догадках. По воле случая интервью прочтет тот самый мистер Х., и в самом деле предпочитавший остаться неизвестным, и весьма обеспокоится за свою участь. Чтобы более не тревожиться, он решит расправиться с болтливой дамочкой. Но станет не просто охотиться за ней с топором, а начнет ухаживать за писательницей, чтобы сначала выпытать, что же такое разнюхала новая мисс Марпл. Вокруг этого и закрутится вся интрига. Наконец дело дойдет до расплаты за болтливость. Героиня уже попрощается с жизнью, но ее в последний момент спасет вернувшийся супруг, который осознает свою ошибку, оценит непоколебимую верность жены, поймет, что любит только ее... И прочая, и прочая, и прочая, как говаривали в старину.

То есть Алена решила зачаровать Михаила на расстоянии и заставить его вернуться. В этом романе все должно быть ее, только ее, – страдания, любовь, мучения, верность...

А как насчет неверности? Ее неверности? С ней как быть? Как поступить со случайным адюльтером в вагоне СВ скорого поезда сообщением Москва – Нижний Новгород?..

– Посидите, Людмила Борисовна, я вам быстренько все разыщу!

Певучий голос Шурочки заставил Алену вздрогнуть и воровато оглянуться, словно ее застигли на месте преступления. Скажем, в то самое купе СВ вдруг заглянула проводница – в самый интересный момент...

Вместе с заведующей архивом в комнату вошла невысокая, сухонькая женщина. Она была тех же лет, что и Шурочка, может, даже помладше, но это была старуха – именно старуха, а не старушка, не бабулька, причем из тех, о ком говорят: «Со следами былой красоты на лице». Голос у нее был хриплый, не то пропитой, не то прокуренный, а мгновенный, пренебрежительно-оценивающий взгляд ярких черных глаз заставил Алену ощутить себя полным ничтожеством.

Она то опускала глаза к раскрытому делу, то исподтишка вскидывала их на старуху, вслушиваясь в негромкий разговор. Гостя философствовала, Шурочка вынимала из шкафа одну папку за другой, изредка невпопад поддакивая.

– Развал государства оказал страшное воздействие на людей, – вещала старуха, будто пророк Исайя. – Если верхи грабят всю страну, почему бы низам тоже не украсть хоть чуточку? Прозвучало этакое общероссийское: «Сарынь на кичку!» Но отчего слово «закон» не есть синоним слова «справедливость»?!

Алена, которая афористические фразы любила больше всего на свете, чуть ли не с обожанием взглянула на старуху, больше похожую на обтрепанную, общипанную ворону, чем на женщину. Но «ворона» опять «каркнула», и Алена украдкой записала на полях своей тетрадки очередной старухин афоризм:

– Двигатель совершения преступления – алчность, но она же – первый помощник правоохранительных органов. Потому что из алчности сосед доносит на внезапно разбогатевшего соседа! И оказывается, что причиной богатства было преступление! Так что такое алчность – зло или благо?

Судя по металлическому звучанию голоса, по словесному подбору, по трепетному отношению Шурочки, эта Людмила Борисовна была прокурором, причем блестящим. Но кто сказал бы это при первом взгляде на нее? До чего обидно, что возраст делает человека не просто старым, беспомощным, больным, но и незначительным внешне. Как говорит подружка Маша, поезд ушел, под него даже не ляжешь! Конечно, на лице этой высокоумной развалины оставили следы тонны выкуренных ею папирос (она наверняка курила именно папирасы, какую-нибудь «Герцеговину Флор», вставленную в янтарный мундштук, а может быть, служила живой иллюстрацией к известной песне «Моя бабушка курит трубку, трубку курит бабушка моя!»), гектолитры выпитой водки, немыслимое количество жирного, острого, соленого, горького, все эти не отданные врагу ужины, а единственным видом спорта для нее был, конечно, секс...

Это называется – рыбака рыбака видит издалека. Откуда вдруг взялась такая проникаемость? Почему именно Алена увидела следы разрушений, оставленных на лице Людмилы Борисовны бессонными ночами с многочисленными любовниками?

Старуха повернула к ней птичью, остроносую головку, и Алена поспешно опустила глаза, понимая, что такая битая-перебитая, умудренная жизнью особа не сможет, в свою очередь, не увидеть на ее лице то, что она пытается скрыть, о чем боится вспоминать...

– Извините, а где тут канцелярия? – раздался из дверей осторожный мужской голос.

– Тут и есть, а вам что? – ответила Шурочка. – Вы куда, молодой человек?

Алена подняла голову – в дверях никого не было.

– Мечется, словно вор на ярмарке, – проворчала Шурочка, вновь углубляясь в недра огромного шкафа.

– Забавно, – подтвердила Людмила Борисовна, продолжая разглядывать Алену.

Разумеется, ей показалось забавным только то, что человек, искавший канцелярию, мгновенно смылся, едва отыскав ее. Разумеется, это произнесенное с непередаваемым выражением

словечко не имело отношения к Алене, но ведь на воре, как известно, шапка горит, и Алене захотелось под стол залезть, только бы спрятаться от испытующего взгляда старухи.

Под стол залезть было совершенно невозможно – она там не поместилась бы. К тому же этим привлекла бы к себе еще большее внимание. Поэтому она просто уткнулась в страницы дела.

Глаза бегали по строчкам, выхватывая неуклюжие фразы: «Нарушал общественный порядок и выражал явное неуважение к обществу, оскорбляя присутствующих нецензурной бранью», «просматривал локтевые сгибы с целью обнаружения следов старых инъекций», «выбирая глухие места и ночное время, он совершал преступления из личных неприязненных отношений к людям», «нанес увечья, относящиеся к категории тяжких телесных повреждений по признаку опасности для жизни в момент причинения», «нанес существенный вред охраняемым законом правам и интересам граждан и интересам государства и общества, выразившийся в дискредитации и подрыве авторитета органов власти», «против ее воли совершал с нею сексуальные действия и иные действия сексуального характера...»

Как подумаешь, судебные протоколы необычайно целомудренны! Экие эвфемизмы заверчены! «Сексуальные действия» – это простое изнасилование, общепринятым, так сказать, способом. «Иные действия сексуального характера» – то, что считается среди приличных людей извращением, – анальный и оральный секс. Хотя последнее теперь вроде бы перестало считаться извращением. Если обе стороны ничего не имеют против, конечно.

...Там, в СВ, обе стороны явно ничего не имели против. Что он, что она. И как же это было странно, как чудесно, как задыхались они в одном ритме, как истекали блаженством в одно и то же мгновение, ласкали друг друга до полуобморока, до остановки сердца, пьяные от запаха их страсти, от запаха шампанского... Так они и встретили Новый год – в бешеной скачке. Уснули, как умерли. И все, больше она его не видела.

Какими глазами таращилась на Алену проводница, наконец-то добудившаяся ее уже после остановки поезда в Нижнем! «А ваш попутчик сошел в Дзержинске, – сообщила с плохо скрываемой мстительностью. – Просил поздравить вас с Новым годом, с новым счастьем!»

Алена, измученная, невыспавшаяся, ничего не соображающая, смогла только кивнуть в ответ, пряча свои бесстыжие глаза и поджимая нацелованные, распухшие губы. Смысл случившегося дошел до нее только дома, под раскаленным душем.

С новым счастьем, главное! Какая злая ирония. Новое счастье по имени Игорь получило от случайной попутчицы все, что может дать мужчине ошалевшая от похоти, хоти, хотенья, короче, от желания, от страсти одуревшая женщина, – и отбыло восвояси, в свой драный Дзержинск, который его жители называют попросту Жердинск, – исчезло из Алениной жизни так же бесконтрольно, так же внезапно, как и появилось. Молча ушел, и ночью он молчал, только его дыхание она и запомнила, только руки его да губы.

Игорь. Игорь, Игорь...

Какое горькое, безнадежное имя!

Итак, адюльтер. Именно в ту пору, когда обострилась ее любовь к Михаилу, когда Алена почти обезумела от разлуки с ним.

Наверное, психоаналитик смог бы объяснить ее состояние. Она отчаянно искала лекарства, а мужские объятия в ту минуту, когда она лишилась любимого мужчины, были самым действенным лекарством для самоуспокоения, самоутверждения. Вот именно, в этом все дело – в попытке самоутверждения. Ей необходимо было доказать самой себе, что она все еще желанна, что может завести мужчину.

Завела. Доказала.

Осталось выяснить, что доказывал себе тот, кому доказывала она.

Кто он, этот Игорь? Любитель случайных связей? Острых ощущений? Искатель приключений? Опасных приключений... действительно потенциально опасных, ведь он впервые видел Алену, мало ли носительницей какой заразы она могла оказаться! А они не предохранялись...

Запоздалый испуг нахлынул и на нее, но это тотчас прошло. У нее сейчас безопасные дни, никакого риска, это что касается случайного «залета», а насчет заразы... Что-то ей подсказывало: и здесь никакого риска, все обойдется нормально. Возможно, и у Игоря касательно Алены сработала интуиция. Или, скорее всего, в те минуты им все было безразлично, ничто не имело значения, кроме этой ослепительной вспышки взаимного желания.

К несказанному взаимному удовольствию...

И вот вам результат. Снова одинокая квартира, снова тоска по Михаилу, изрядно разбавленная теперь раскаянием и мазохистской тоской по некоему Игорю. А еще говорят, клин клином вышибают! Вранье все это, сущее вранье. Теперь у Алены два клина, которые надо вышибать, только и всего. Третьим, надо полагать? Ха-ха... Растут проблемы в геометрической прогрессии, вернее, она сама их выращивает. Как грибы вешенки...

Она вскинула голову. Бабушка, которая курит трубку, оказывается, уже ушла, а Шурочка аккуратно припудривала перед карманным зеркальцем свои пухленькие щечки.

– Вы тут останетесь, Алена Дмитриевна, как обычно? А может, сходим вместе пообедаем? У нас в суде очень хорошая столовая.

Алена взглянула на часы. Мать честная, без четверти двенадцать! А ведь сегодня четверг!

Подхватила, лихорадочно захлопывая папки:

– Ой, извините, я совсем забыла, мне сегодня к двенадцати надо в одно место. Я через час вернусь, вернее, через полтора, можно пока дела не сдавать обратно в архив?

– Александра Федоровна, вы подобрали мне материалы?

Высокая русоволосая женщина с надменным точеным лицом вошла в комнату.

Вид у Шурочки тотчас сделался неприветливый, как если бы она была зеркалом, в котором отразилось лицо вошедшей:

– Да. Но сейчас начинается перерыв.

– Ничего, я поработаю одна, – снисходительно улыбнулась незнакомка, оборачиваясь к Алене, которая торопливо засовывала в сумку тетрадь, ручку и очки. – Вот и стол освобождается, я вижу.

Тотчас ее красивое лицо сделалось напряженным, замкнутым, она окинула Алену неприязненным взглядом и поджала губы.

Тут были какие-то заморочки, непонятные Алене. Да не ее это дело – разбираться в настроениях судейских дамочек!

– Через полтора часа! – Еще раз ослепительно улыбнувшись Шурочке, она набросила шубку, валявшуюся на стуле, и выбежала из канцелярии.

«Одно место», куда так спешила Алена, находилось в тридцати метрах от областного суда, через дорогу, и звалось Дом культуры имени Свердлова. Там на втором этаже находился зал шейпинга. По понедельникам и четвергам в 12 дня Алена занималась шейпингом.

Повесив в гардеробной тренировочного зала шубку и сбросив сапоги, она поправила перед зеркалом волосы – и вдруг поняла, почему таким неприязненным сделалось лицо дамы, пришедшей в канцелярию облсуда. Да ведь у нее был совершенно такой же бледно-зеленый свитер с высоким воротом, как у Алены. Более того, затейливый ремень, продававшийся в комплекте со свитером, с точно такой же продуманной небрежностью спускался на бедра дамы. Все это было определено куплено в одном и том же месте: в магазине итальянского трикотажа «Гленфилд» на площади Свободы.

Дороженный магазин. Мало шансов встретиться лицом к лицу со своим «близнецом» в одежде оттуда. И вот поди ж ты... Неудивительно, что судейская дама расстроилась. Если бы Алена узнала свой свитерок раньше, она бы, наверное, тоже огорчилась.

И она пошла переодеваться, уповая на то, что через полтора часа, к ее возвращению, «близнец» уже успеет закончить свою работу в канцелярии и уйдет.

***

– Зуб даю, мальчонка к цыганам намылился, – сказал Зернов, похлопав по плечу задремавшего рядом напарника.

– Мало ли кто куда намылился, – сонно пробормотал Поляков, с усилием поднимая голову, но тут же до него дошло, что имеет в виду Зернов. Резво встряхнулся, потер глаза и напряженно всмотрелся в очертания приземистого, чрезвычайно неуклюжего строения, стоявшего неподалеку от автобусной остановки.

Чуть в стороне лежала уютная деревня Ольгино, а прямо у дороги, словно бородавка, уродующая благообразное лицо, притулился этот деревянный... дом не дом, сарай не сарай, – жилуха, словом, неуклюже сшитая из уродливых, плохо оструганных досок. Здесь жили цыгане. Несколько семей вместе. Летом, когда стояла жара, сквозь щелястые стены можно было видеть внутренность дома. Чуть начинались осенние студёные ветра, как изнутри стены завешивали коврами. Ни Зернову, ни Полякову бывать в этом доме еще не приходилось, но от других мужиков они не раз слышали, что там, в этой неприглядной лачуге, все увешано и устлано дороженными, просто-таки великолепными коврами.

Правда, поскольку цыгане по этим коврам ходили обутыми, как по улице, на них и ели, и спали, и играли в карты, и трахали своих цыганок, и новые и новые цыганята расплзались по ним, как тараканы, ковры были невероятно грязными. Их никогда не подметали, не чистили. Когда в доме воцарялся окончательный свиарник, даже с цыганской, весьма снисходительной точки зрения, старые ковры просто-напросто выбрасывали, а взамен покупали новые.

Цыгане могли себе это позволить. Всем было известно, что они торгуют «травкой», порошочком, «колесами» – достать у них можно что угодно, что по душе любому нарку, от начинающего до накрепко подсевшего. А белая смерть – дорогая смерть. Вот и шиковали цыгане.

Что характерно, милиция их не трогала. То есть периодически устраивали в этом жутком бараке порядочный шмон, но как-то так получалось, что цыгане всегда были к этому шмону готовы, словно их кто-то заранее предупреждал. Не исключено, что так оно и было. А вообще-то менты без надобности в цыганское обиталище старались не соваться. Гораздо проще – и выгодней! – было поставить патрульную машину чуть в стороне, за кустами, и ждать, когда около дома остановится машина с городскими номерами. Конечно, иногда в гости к соплеменникам наезжала такая же цыганщина, которая обитала рядом, чаще всего так и случалось. Но порою, как, например, сейчас...

Довольно-таки побитый жизнью «Опель» сперва притормозил на остановке. Зернов видел, как водитель настороженно всматривался в окна цыганского дома, завешенные изнутри газетами. Вечерело, в доме уже горел свет. Из трубы шел дымок, около покосившейся походной печки, стоявшей у крыльца, возились две цыганки. Пищу здесь готовили прямо на улице. А потом тащили большущий котел в дом. Дикое племя, что и говорить! Наблюдаешь за их жизнью – и даже не верится, что в наше время люди могут так жить!

Однако явно не простое любопытство привело сюда этого гостя. И что-то подсказывало Зернову, что сегодняшнее дежурство не окажется для них с Поляковым таким пустым и бессмысленным, как предыдущие.

– Ну давай, давай, топай! – пробормотал он, нетерпеливо вглядываясь в сгущающиеся сумерки, и вздохнул с облегчением, когда высокий парень в джинсовой куртке выбрался из «Опеля» и затрусил к дому. Даже на расстоянии было видно, что куртка не на Алексеевском рынке куплена, и Зернов еще раз нетерпеливо вздохнул. Если ему повезет – то уж повезет по-

крупному, это он по жизни знал. Вот клиент к цыганам прямой наводкой шпарит, и не бедный клиент.

– Ну, пошел, что ли? – не то спросил, не то приказал Поляков, и Зернов выбрался из машины, скинув форменную куртку и оставив на сиденье фуражку. Набросил простенький плащик и побрел к остановке, как будто не было у него в жизни других забот, как только дожидаться здесь скрипящего, одышливо пытящего, вонючего автобуса номер восемнадцать сообщением Доскино—Нижний.

Он поднял воротник плаща, упрятал голову в плечи, а сам так и зыркал глазами в сторону цыганского дома и «Опея». Побаивался, что джинсовый парень вдруг оглянется, просечет неладное или заметит милицейскую «волжанку», притулившуюся за кустами.

Но парень, судя по всему, и не помышлял об опасности: завернул за угол дома, побыл там, а потом появился, поправляя что-то в кармане куртки. Заспешил к «Опелю».

– Ага! – отчетливо произнес голос Полякова в кармане плаща, где лежал радиотелефон, и Зернов ринулся через дорогу к джинсовому парню.

Тот какое-то время растерянно смотрел на бегущего к нему мужчину в длинном плаще, явно не видя в нем опасности, однако в это мгновение белая с синей полосой «Волга» вывернулась из-за кустов, да еще Поляков включил мигалку и сирену, так что даже недоумок догадался бы, что влип.

Парень какое-то мгновение перебирал на месте ногами, потом наконец-то сорвался в бег, однако, как это частенько бывало, сам вид милицейской машины, а главное – звук сирены, похоже, вышибли из него всякое соображение, так что ринулся он не к машине, а прочь, куда-то в чисто поле, в буераки-реки-раки, ломанул, словом, куда глаза глядят, но очень скоро споткнулся на кочках, среди которых возвышалась цыганская обитель, и уткнулся носом в землю.

Тут-то Зернов и надел на него. Навалился сверху, споро заломил за спину руку, в которой было что-то стиснуто. Не успел парень выбросить покупку, вот повезло! Зернов с силой надавил на его запястье – незадачливый нарк взвизгнул от боли и разжал пальцы. Зернов не удержался от смеха: это был презерватив, набитый белянским порошочком. Презерватив... Нашли в чем добро продавать. Вот уж правда что – голь на выдумку хитра!

Сзади запыхтел толстяк Поляков:

– Взял? Ты его взял?

– А то, – сказал Зернов, поднимаясь и вздергивая с земли безвольную добычу. Просто удивительно, что делает страх с людьми. Довольно высокий парень, крепкий такой, спортивный, кулаки нормальные, а болтается, как тряпичная кукла, будто вовсе костей и мышц в нем не осталось, одна обвисшая джинса.

Он не сделал ни малейшей попытки сопротивляться, когда Зернов, где пинками, где волоком, пригнал его к «Волге», затолкал на заднее сиденье и надел наручники.

Глаза у парня – кстати, не такого уж дитяти малого, на вид ему дашь за тридцать! – были совершенно бессмысленные, залитые страхом. Два темных пятна на бледном лице. Он затравленно глядел то на хмурого, узколицего Зернова, у которого по жизни был злобный, всем недовольный вид, то на приземистого, широкогрудого Полякова, напоминающего профессионального тестомеса с простодушной физиономией недоразвитого ребенка.

– Гони в отделение, – самым суровым голосом приказал Зернов, сбрасывая плащ, сослуживший такую хорошую службу, и надевая форменную куртку. – Поздновато уже, конечно, но допросить мальчонку успеем.

– Пожалуйста, не... не надо в отделение, – выдохнул «мальчонка» таким трясущимся голосом, что, и не глядя на него, было понятно: добыча едва сдерживает слезы. – Пожалуйста... может, договоримся, а? Я... я вас умоляю!

Зернов и бровью не повел, ну а откровенный и, чего греха таить, глуповатый Поляков громко, с явным облегчением перевел дух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.